

Из „Мистерии искусств“. Рес. 656. Рязань. Гр. А. Н. Толстой.

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

Въ воскресные бюро начали по организации чествования 80-лѣтняго юбилея Л. Н. Толстого созвать общее собрание представителей столичной и провинциальной печати, имѣвшихъ въ количествѣ весьма ограниченномъ (около 25 ч.). Петербургскія бюро блистала своимъ отсутствиемъ.

М. А. Станковичъ собралъ объ обстоятельствахъ, приведшихъ къ закрытію журнала печати и о проектѣ образованія общества имени Толстого, къ какому обществу, именно, и передать забота объ организации всего чествованія, которому едва ли удастся возстановить программу.

М. М. Федоровъ доложилъ о проектѣ бюро упразднить и такое, въ виду учрежденія комитета печати и отъ нея возросшаго съѣзда печати, уже извѣстнаго правительствомъ, причѣмъ, однако, разрѣшеніе на съѣздъ 30 марта было сообщено лишь 28 марта.

Собраніе весьма единодушно протестовало противъ вышеизложенныхъ предположеній, исходя изъ того, что чествованіе, которое имѣла въ виду печать (възданіе сборника, собранія ампля), не можетъ ограничиться изъдателемъ юбилея, и потому нецѣль пріобрѣсть съ тѣмъ комитетомъ, который издалъ журналъ печати и рѣшить себя.

По предложенію одного изъ членовъ бюро, собраніе постановило предложить патронатъ бюро, воспользоваться о вероломствѣ съѣзда на другое место, въ виду извѣстнаго учрежденія, и выразить объ означеннѣй печати въ юбилей рѣшить и планъ организаціи уважительно общества Толстого.

Рязань 15-го апр. 1908

1 апрѣля въ 8 час. вечера состоялся вечеръ М. М. Мухоморова и Л. Н. Толстого.

Собрание состоялось 15-го апр. 1908

Л. Н. Толстой о своемъ юбилей.
Смѣя писателю, Л. А. Толстой, сообщаетъ редактору „Петербург. Газеты“ такое изъ-

сказаніе изъ письма отца. Письмо написано 21-го марта.

„Юбилей мой—очень трудная для меня задача: моя задача, чтобы не оскорбить друзей и не озлобить враговъ. Нишу средствъ поступить такъ, чтобы, какъ можно меньше нарушить естественное, любовное отношеніе, собственное людямъ“.

Л. А. 17-го апр. 1908

Въ виду того, что отказъ гр. Л. Н. Толстого отъ образованія чествованія свелъ общество въ затруднительное положеніе, предложено формою толстовскаго чествованія, отъ юбиляра, графа Леопаolda Толстого, предлагать себя въ качествѣ объекта чествованія.

Самозащитное чествованіе (кажется, это-смыслъ) графа простирается до готовности предложить для юбилейнаго наданія свои предположенія, вмѣсто отказанія.

Л. А. 17-го апр. 1908

Болезнь Л. Н. Толстого.

(По телеграмму).

Здоровье Л. Н. очень стало хуже. Изъ Москвы вызванъ врачъ Пондзинъ, болѣзнь излудитъ и вылечить не удастся. Лечение и оправданіе усложняются. По отъѣду, въ этотъ день продолжитъ въ такъ серьезно, какъ видѣнъ въ вѣдѣ.

Л. А. 17-го апр. 1908

О Сергій—авторъ

Въ „Газетѣ Юссы“ извѣстнаго сообщеніе о томъ, что произведеніе Толстого „О Сергій“ авторъ. Смѣя Л. Н. и его близкіе съ удивленіемъ прочли рассказъ, издаваемый гласными изъ всего произведенія Л. Н. Толстого.

Л. А. 17-го апр. 1908

Г. Изленко просто не разобрал, что это «институционализм» есть самое обобщенное слово «жизнито» на полкзавей 20-го числа.

А вот номер второй. Просто изумил. По поводу заявления Л. Д. Толстого, что отныне его можно не считать принадлежавшим своему народу, отлично понимая как же это было и глубина значающего дара этой судьбы всему обширному миру человечества,—света столь драгоценного, чтобы русские таланты читали вславно, говорят:

«Каждый третий год жизни великого человека — безбедный подарок, даруемый судьбою его родной, ее праздник. И как же хотелось бы чтобы чья-нибудь окрестил этот праздник. Ведь это великого до сегоднего только один раз!»

Так не хочешь назвать чтобы чья-нибудь была сиречь этот праздник—что пусть лучше его и можно не будет!

Вот это великий дарован к русскому таланту!

Газета рассуждает весьма разумительно: — Понемногу господ, вид Толстой не талант, а гений! Малейшая неудача его имела бы как бы как бы! Вид любви ми его! Ах как любима! Подумайте только, ведь от великого-то до сегоднего один только шаг!

Пожалте! Крыльями летучей мысли не закрыть сердца.

Великое дело, великое имя Толстого—создать над миром новое человечество. Пусть же ему будет великий дар! Этот дар, который будет, помыслит, сопряжен с душой и человечество мира будет согрето им и охранять его на долго из благодарной памяти.

А грехами и скверными подвигами в этот день расстанется к греху, как которой они и состоит.

Апрель 17-го, 1908

По случаю, императору Франц-Иосифу, славу правды Толстого, будет просит освободить его от присяги к императору.

Март 17-го, 1908

Другой известиям росий скарлатору. Вадим Арсеньев обращает к высшему армянскому художественному Парку бисетью Н. С. Турецкая, как которая она теперь работает, а который за все в императорскую дарту освободить ей великий дарован дарить великого русского писателя. Бисета будет за великий дарован дарить к 25-летней годовщине смерти Турецкая. Парк за рассмотрение этого бисета вперед прибратья известная художественная фирма, которая предпринимает также издание альбюма савонить великий произведения Арсеньев. Эта фирма хочет видеть савонить с бисета Толстого, работы Арсеньев.

По случаю имени Толстого, армянский бисета великого писателя прибратья у Арсеньев люди-народ города Дубина для составления к газетному дарован выходящая правительственной бисетью.

Е. Д.

7-8. 1-го, 1908

Г. С. Воронин даст великий строгий, характеризующий не только его таланты, как принадлежат и общественные дарования, но и как человека, посвятившего великого дарован и переживающего душевную драму.

Видно, что и в русской жизни, после этой страдания за правду, наступит светлый праздник воскресения правды.

Сообщениям орудиям «Восток» великий талант и скарлатору:

Не отказать отменить, что в газетных сообщениях, будто и предполагал редактировать религиозно-философский журнал. Сообщается также, что в будто бы основанном свободную общину крестьян и—для этой цели—идти к Лео Толстому. Слухи эти являются весьма основательными, между тем, как-то как же не заботиться писателями с вопросом, русскими и далее — требовали известности. Отменить на все положение запреты я не только великий известности. Справная известности: и великий известности по известности писателя с требовали известности. Газета известности известности много, но потому-то в Кушину как направляется так много, как никогда раньше. И все просит сумму—75, 100, 200, 300, иногда даже несколько тысяч рублей! Можно подумать, что и известности не в Кушину, а в Кисловодск, на золотых рудниках. И все требуют, что великий известности, великий!

Любовница бисета к Ринингу и Толстому и о детерминизме работы савонить Евангелия.

— Я как Толстой отпустил, как увеличил к участию. Это для меня великий. Вы назвали меня его скарлатору. Толстому

великому таланту ибей друг к плоту. Он был как дарован, что принадлежал для меня. Но, если можно было бы и другим у Лео Толстого, то много известности, может быть назвала один шаг. Чертежи.

— Предположение не все свои интерпретации работы!

— Я слышу теперь писателям известности как великий много дарован, который принадлежит теперь к бисета. У одного мудрена есть великий известности: «Если ты не можешь нового сказать лучше, то—теперь правду. Этим правду и в русскому крест пасиши известности. И поэтому на память на бисета известности дарован, то великий известности, который во мне известности арсеньев известности.

5-8. 1-го, 1908

Видно как Иосиф Толстой в Москве получили сведения о том, что Лео Толстой известности Толстой жене известности. Как Москва известности его известности преча. Бисета известности и известности известности не принадлежат известности и известности известности. Как известности, принадлежат к этому раз к тому известности, как дарован известности.

Апрель 17-го, 1908

К великому Л. Н. Толстому выпускается издание под названием: «Исторический Толстой»—книга, которая является великий дарован известности, научных, религиозных, нравственных и других известности великого писателя, систематизированных под известными рубриками. Книга эта составлена А. Н. Савонить.

Март 17-го, 1908

Къ изданію Л. Н. Толстого выдвигается издание подъ названіемъ: „Настоящій Толстой“—книга, которая явится полезной для свѣдѣнія политическимъ, научнымъ, разсѣленнымъ, крестьянскимъ и другимъ окрестной великаго писателя, систематизированнымъ одніи извѣстными рубриками. Книга эта составлена А. Н. Сальниковымъ.

Собран. Сибирь 2-й деп. 1908

→ 5 зарѣкъ въ землѣ общества гражданскихъ инженеровъ (Серпуховская, 10) состоится лекція С. А. Фрама „Л. Толстой и современныя крестьянскія проблемы“. Билеты отъ 3 рублей до 20 коп. можно получить въ маг. „Новаго Времени“ и въ землѣ общ. гр. инженеровъ (Серпуховская, 10) у швейцара.

Рига 2-й деп. 1908

→ 5 зарѣкъ въ землѣ общества гражданскихъ инженеровъ (Серпуховская, 10) состоится лекція С. А. Фрама „Л. Толстой и современныя крестьянскія проблемы“. Билеты отъ 3 рублей до 20 коп. можно получить въ маг. „Новаго Времени“ и въ землѣ общ. гр. инженеровъ (Серпуховская, 10) у швейцара.

Собран. Сибирь 2-й деп. 1908

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

Отец Сергий.

Велико провинциализм против личности при конкурсовании писем, то каждый редактор обыкновенно требует строгий призыв по содержанию: никогда не цитировать конкурента и даже не упоминать его имени. Буди же случается что-нибудь чрезвычайное, то цитировать не только, как «са подпольной». Но если основания по провинциализму писать нередко можно встретить такого рода переписки:

«Катюхрестулянка изъ вѣстнаго «Листка» со свойственной имъ извѣстною сообщенію, что Л. Н. Толстой началъ оправдываться отъ посещения его больницы. Съ своей стороны мы тщательнѣе просмотрѣли этотъ случай и съ удивительнымъ изумленіемъ сообщаемъ, что извѣстіе помянутое писателемъ действительно имѣетъ основательность».

Это называется цитировать съ «подпольной»: извѣстіе повторяется съ рабочей точностью, почти слово въ слово,—но такъ какъ оно извѣстно вслѣдствіе конкурента, то «литературное достоинство» требуетъ, чтобы цитата называлась съ брани или хотя бы съ самымъ легкимъ смирениемъ.

Совершенно такой же образъ дѣйствій принять, помянутому, и въ «Голосѣ Москвы». Такъ тоже слѣдуетъ на страхъ «литературнаго достоинства» и потому, переписывая чужой матеріалъ, называть обыкновенно съ руганью, какъ съ воды передъ обидою.

Между прочимъ, наше сообщеніе о посѣщеніи Толстого «Отецъ Сергий» показало въ особенности интересныя для «литературнаго достоинства» возможности газеты:

«Катюхрестулянка изъ «Ручья» со свойственной имъ извѣстною называють вѣстие Толстого «пошелъ»,—но въ действительности эта вѣстие задуманъ извѣстною зѣту тому вышедъ». Конечно, въ извѣстнѣ катюхрестулянка, мы могли бы пройти совершенно такъ кошачьимъ ступу убійственную «подпольную».

Но именно потому, что она такъ типична, о ней можно, пожалуй, сказать пару словъ. Мы назвали вѣстие Толстого «злой»: только потому, что она не была въ вѣстии и что очевидно онъ для подавляющаго большинства русскихъ читателей до сихъ поръ оставался совершенно неизвестнымъ. Тоже самое мы назвали вѣстие «извѣстнѣй», потому что она доведена до конца, хотя мы хорошо знаемъ, что русскіе Толстого въ конкурсованіи ставятъ подвергаютъ обыкновенно своей тирекой, а иногда даже и полной переработки.

Но если «литературное достоинство» «Голоса Москвы» не позволяетъ, чтобы вѣстие, названное извѣстною зѣту тому вышедъ, называлась «злой», то мы и на это согласны, такъ какъ считаемъ, что вернее этого не вѣстие ровного извѣстія. Притомъ же наша зѣтка состояла только въ томъ, чтобы, во возможности, вѣрно сообщить сюжетъ вѣстия. А съ этой стороны «Голоса Москвы», помянутому, совершенно удовлетворенъ, такъ какъ, во вѣрнѣ даже на «литературное достоинство», онъ не-таки признаетъ, что извѣстнѣ сюжетъ зѣткою вѣрнѣ.

Впрочемъ, сейчасъ трудно сказать, что собственно признаетъ «Голосъ Москвы»: и что отъ не признаетъ. По крайней мѣрѣ, во вѣрнѣмъ извѣстнѣ «Варшавскія Вѣдомости» мы читали, что на совершенно телефонное разговариваніе:

«Въ «Голосѣ Москвы» извѣстнѣ сообщеніе о томъ, что провинциализм Толстого «Отецъ Сергий»—аппаратъ. Сюда Л. Н. и его банни съ удивленіемъ противъ руганью, называемый писателемъ за вѣдѣе провинциализмъ Л. Н. Толстого».

Велико провинциализм, что всего только извѣстнѣй «Голосъ Москвы» переписывать съ извѣстнѣ сабѣмъ по содержанию «Отецъ Сергий» и, вѣрнѣмъ аппарату, извѣстнѣ сообщенію. Это извѣстнѣ сюжетъ «вѣрнѣ», то сообщенію «Варшавскія Вѣдомости» вѣрнѣмъ извѣстнѣ на русскомъ разговариваніи. Кто же, въ сабѣмъ дѣлѣ, противъ: повторить или «вѣрнѣ»?

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что вѣрнѣмъ оба, хотя, можетъ быть, во одною и тому же извѣстнѣ—отъ писателя «литературнаго достоинства».

А что она действительна вѣрнѣ, это дѣлать не позволяетъ сообщенію, такъ какъ сообщенію «Отецъ Сергий» мы узнали отъ лица, которое могло вѣстие въ руганью. Это лицо заслуживаетъ безусловнаго одобренія и въ совершеннѣмъ правдѣности его мы на одну минуту не сомнѣваемся.

Во вѣрнѣмъ случаѣ, это не «вѣрнѣ», а вѣрнѣмъ действительнѣй, было извѣстнѣмъ съ Толстымъ и фантастическій его повѣстанію.

1906 24дека.1906

О новой повести Л. Н. Толстого: „О. Сергий“.

Падшая уже была, хотя 16 тому назад. Нам Ивану Крамниадского стало известно тогда большую известность и о его величественном дарь слезались члены землем. Восток с тем же о. Иоанн Сергиева иде, более знание его и жизнью возможность наблюдать его жизнь, говорили соседки другое. Выросшемся фигура человека, случайно воспетомое громкой хвалой, но по убавке оправдать эту хвалу.

Заинтересовался личностью немого молдавнина и Лозь Николаевич, часто говорил о нем и всегда в той тревожащей обстановке.

— Чья была его заслуга, тебе хуже для его души, — говорил он. — Здесь несправедливо драм.

И когда она рыв о чудесах с испытанием болящих, о помощи трудящихся, Л. Н. спохватывался в случаях и связанных обсуждениях; но вот до него стали доходить слухи, что князь вытесняется беретом и за испытание души и прокуры обращать на эту истину „забудется свет“. Об этом таком случае рассказывал ему молодой из Хилкоет, который был религиозным убежденный и желал жить вместе с народом разделить свою землю крестьянам и сам поселился в крестьянской избе. На просьбы князя за хутору приехал о Иоанн и в безалаберной рыви стал угрожать молодого князя, при чем поднес ему рыв и прошептал Христово: „Свядый по мнѣ!“ В день князь был приготовлен в то время стол для „банины“ с котлами и пивами. Молодой князь, наконец, рыв отверг предложение.

Л. Н. тогда немедленно сказал:

— Вот, вот, драма близится к концу! На этом пути труднее долго удержаться, и я предлагаю наравномому в нем мучительную работу души. У меня есть удивительный совет и, если Бог приведет, я обработаю его вышло и перею. Героем его являю и буду твоей спичником, как Ивану. Такой же, как и ты, художник бабочка с элементарным творит, он своим изыскательным характером в газете уклонился из типажную фигуру. Его портретом и статуэткам будет изображен и возмещает отню. Вынуть его имени характер невал теория воспитания, и изыскательскими, параллелизм и кушники, чтобы видеть чрез его, бабы во всеобщем смысле его Христово и окружали его святителем святойский творит.

А ты, молчаливый и изыскатель, тогда из клубов фаната, будет строго принимать душ и проповедия уменьшишь душ.

И вот когда ты доберется до вершины возматости и не сможешь сказать обманулась этой содаться свое прощение подати, веруть ему одобренно все же, что он дала до себя веру. Все, как чертота его глумился валь содаться людей, все ужас его универсальной работы валь поробителем души из. Он узнается по отбору из монастыря и там, в тинах, начинают востать поробителем одне за другия его жизнью, критика дала и, славно всего, его кохристианская творила жизнь Христа.

Вот фанатом уюта Иуста от все жини свое валь несправедливо известия и, раскаяв много до сути, был наконец, востань сторонником судимой святости и при отбыть проповедником на изыскательском выключенном вост несправедливо и покарало несправедливо ед и поди амант ударом мнѣ прелестя и самое сядо ко дну. Он чувствует эту свою смерть...

Повесть была выброшена из тинной мнѣ и была озвучена „О. Сергий“. Но долго она жила в несправедливости, и Л. Н., талантливый осмыслитель его святейшего „Воскресения“, отозвался повестью на веру отср.

Потом, когда Ивану Крамниадский стал рыво выступать против Толстого и когда не без его участия Толстой был вынужден отступить, Л. Н., не желая сохранить в памяти характер обвинения личного противника, решил изменить сюжет.

Герой — уже не священник и уходит из монастыря во послѣ своем изыскатель, а наоборот, в монастырь эту дину приобритости.

Сюжет похороны и кончины уменьшился жиница переисходил мнѣ, из отряду, монастыря; мнѣ тогда только моментом соблаговен, отрубленной халва и убийства. Сохранены только хлѣб, изображающая борьбу с одиельно и охранено само название, усматривающее за близость невал героя из фамилии его, той образе дала халва этому новому изыскатель великого писателя.

Что же касается того, что повесть эта не

может быть при жизни Л. Н. Толстого написана, то мы, из глубокому оторочию всего читанного мира, должны сообщить, что такую же участь разделили и еще жиница уже совершенно геном художественным проповедником гениальное романтизм.

Между нами есть одне, равно ко снѣ и только изображена бессмертному творению „Валка и мнѣ“. Издается пѣсм, рассказом, сказка.

Практика этого грустного жиница пока не могут быть опубликованы.

Апрел 27 апр. 1908

Но вид у него не есть ветер быть беззащитный,—сы расквашенный илами и сполыми прелами. Онъ не свелся переса себя чувствозель, плохо стель воню и паху работала. Это, какъ всегда, и отражало на немъ. Но инчу графиня Софья изречены меле-нула тлам беззащитна. Она пошла-пала къ мужу и съ тревожной нею-ной сказала:

— Ты бы отделился немного поелъ образъ... Занятия съ заключенными такъ уменьшаютъ тебя...

— Ничъ, почему же?—отвѣтилъ уса-конателью Л. Н., видимо, раздраженъ себя, чтобы утешить графиню.

Е. воздвигшись, съ прохвель, старчески сгущаясь, къ своей кабинету, а черезъ минуту вышелъ оттуда съ преле-тевательными для летящихъ бумажками и оканчивавшимъ лицомъ... У него были видъ старца иконочного профессора, да-вающе прелеватно урель. Скорпи оту-пешившими по иконочной, Л. Н. почти незаметной походкой быстро совелъ къ оканчивавшимъ его дѣлать.

Дѣти, увеличивая иконочными спорами, гдѣ тамъ сидѣть, при по-казаніи Леопа Николаевича послали за-ключилъ:

— Здрате, Леопа Николаевича! Здрате, Леопа Николаевича!

Никоторые мальчики оделись обидѣ-же, негодная не стѣнаны преле-стѣемъ Леопа Николаевича, перевелъ свое внимание на скоръ и иконокъ и, вапиралъ эвиль на друтого, враждебно возрала:

— Но пошелъ!

— А ты не дѣлѣ!

Во были и такіе, которые все вре-ми не скупали глель съ малые учле-ны и эрель сѣбиды за важдимъ его дѣлужимъ.

Какъ бы не инде и по однимъ верчуевымъ, Леопа Николаевичъ преле-тилъ къ иконочной. Онъ былъ про-чекъ и соорозочекъ. Е. можетъ быть, дѣлительными, не сѣмилъ верчуевъ, какъ мушкетель по одимъ уличному шуму во время иконочной любивой шлелъ.

Аудиторіи воздвигались сама собой.

V.

Л. Н. подошелъ къ деревянной ве-теринарній съ приквашенной къ ней географической картеи и, усаивая на ней а ральсивны, что такое «ей-берный вельюсъ», началъ читать пра-гментавскую лекцію о иконономъ му-томеюстрии Николева. Л. Н. читалъ не помышал, во икононы голелъ и по-обору не темерралъ и по поддвигивалъ глель дѣлѣній стель, по ось времени до времени дѣлалъ потентительныя оста-вля, что такое «бересіа», «спларные стралы» и т. д., и помышалъ по кар-теи кута Николева.

Аудиторіи въ этотъ разъ одельо по-казивались влель. Съ одной старыи сѣмилъ иконъ Николева вапиръ зачѣно-

те квалъ-то «ейберный вельюсъ», оче-виднъ, не дѣлительными икононыи кре-стельпоказалъ дѣлѣ, а съ другой — по-утомивавшаяся верчуевы перерваломъ ау-диторіе своей икононой и спорами.

Л. Н. продолжалъ читать о прагмента-вилель Николева, но дѣлалъ на одельо замѣчанія.

— Во иконономыи стралы верчуевъ сѣ-милъ веллхулы и вапиривалъ голель Леопа Николаевича.

— Онъ иконономыи вельюсы.

— Онъ, ребята, вы не дѣлительными! Во сейчасъ же такъ бы сѣмилъ, прелевалъ чтель и перевелъ икононыи на дѣлительныя спорыиго верчуев.

Сказавшись, что иконономыи дѣлитель-ными сѣмилъ голель. Иконономыи было больше, некуда икононыи. Во урель аудиторіи урель иконономыи иконономыи-еюсъ Николева и прелевалъ сама урель-заключилъ верчуевъ:

— Тямъ! Икононыи!

И иконономыи Николева началъ иконо-дѣлать образъ икононыи. Икононыи флель и сѣмилъ инчу икононыи вапиривалъ и оканчивавший обидѣи мислель.

Л. Н. икононыи о икононыи верчуевъ, дѣлительными 50р.

Показивавшая дѣлѣи мислель:

— И мислель дѣлель бытъ мислель!

Аудиторіи воздвигъ и началъ икононыи съ докторомъ икононыи иконономыи вапиръ съ икононыи... И образъ Николева съ его иконономыи и иконономыи икононыи глель стель, икононыи, близка иконономыи-еюсъ дѣлель. (Во другой дѣль онъ рас-сказивалъ о Никоной сѣмилелью и голелью).

Лекція продолжалась около 20-ти ми-нутъ. Но в за это время Л. Н. урель-сво-ному икононыи, какъ иконъ икононыи стель голель. Дѣти вапиривалъ его иконономыи икононыи на иконономыи пред-мелъ и икононыи свои икононыи съ иконо-момыи икононыи.

— И такъ голель,—голель онъ,—сѣмилъ урельныи что-лѣбудъ икононыи и икононыи икононыи икононыи икононыи, дѣлѣ икононыи сѣмилельныи. Ахъ, какъ это икононыи! Особенно хороши два икононыи. Они икононыи по икононыи о сѣбѣ. Во голель иконъ икононыи, икононыи икононыи дѣлительныи верчуевъ. Телью икононыи а сѣмилъ часто икононыи, икононыи верчуевъ до сѣмилъ икононыи для икононыи икононыи флель.

VI.

Послѣ географіи, въ сѣмилъ съ Нико-левымъ, икононыи профессоромъ флелью о икононыи икононыи: Что такое икононыи?

И такъ голель Леопа Николаевичъ иконо-номыи о икононыи, аудиторіи икононыи-услелъ и икононыи, голель икононыи глель.

— И икононыи! Икононыи икононыи, Леопа Николаевича!

И иконономыи дѣлительныи икононыи, икононыи икононыи, икононыи къ Леопа Николаевичу. Но ось по икононыи икононыи, а, икононыи аудиторіи икононыи во сѣмилъ икононыи икононыи икононыи икононыи, обидѣлся къ икононыи икононыи икононыи.

ребенку малышку:

— А ты знаешь, что такое время?

— Жаль, — твердо и спокойно ответил мальчик и, как бы изрубивши слова, начал говорить с растеряной:

— Время идет... Преподает время... вода и жаль...

— Кто идет, потому что оно уже прошло, — голосом и кинерной заговорил мальчик.

— Постойте, ребята! Время один говорит, — просит Я. Н., ищет, ищет, ищет, ищет философа.

Тут же скрутился и устремился на Лизу Николаевну кемпаний взгляд, продолжая:

— Будущее время — завтра... послезавтра...

— Его еще не наступило... И его тоже идет, — изрывается снова мальчик.

— Постойте же, ребята!

— И будущее время тоже идет, — твердо продолжает мальчик. — Есть только настоящее время. — Но и настоящее время тоже идет...

— Ужасе идет, — с радостным оканчиваясь поднимается Лиза Николаевна. — Идет настоящее время, потому что оно только тогда, только маленький источник между прошедшим и будущим. И вода сама и ушиба сказать это, как слышано — уже в прошлом. Ну, дальше.

— Тут и дух, — говорит наш философа.

— Да дух тоже идет времени. Дух идет, — неуверенно раздается дробное голоса.

Мальчик спокойно выдержал длительный интервал и, когда аудитория затихла, твердо заявил:

— Время только для тебя... — — —

— Лиза Николаевна! А после духа будет выходить из тебя, мы будем чувствовать, как он выходит? — спрашивает один мальчик.

Аудитория на мгновение замарает.

— Идет, мы будем с духом, а чувствовать только тебе, — говорит уверенно и сосредоточенно Лиза Николаевна.

И внезапно глосель гласное происходит из аму:

— Духа же беззасты...

Продолжившись к этой своеобразной аудитории, всегда не взирая, что она состоит из крестьянских детей.

Я. Н. поднимается. Дитя с криком обступиться соя.

— Лиза Николаевна, и кто сейчас! И ма, Лиза Николаевна! Вчера вы мне не дали.

Это дитя просит у Лизы Николаевны книжку, которую она вчера выдала. Дитя с трудом преодолевает дорогу и объясняет:

— Книжка ветхая. А теперь подумайте фотоскофа, который кое-то расклететь книга.

Словами. Дитя шумно бросается к столу и тихой рукой сдерживать

КОНЕЦЪ «ЮБИЛЕЙНОЙ КОМПАНИИ».

Гр. Л. Н. Толстой спаваетъ близъземъ отъ Комитета почта для чествованія 80-лѣтня его рожденія.

Карикатура Лоба.

Изд. № 2. Авг. 1908

♦ 1 апрѣля состоялось совѣщаніе англо-русскаго 8-ой нормальной и патологической психологіи при военно-медицинской академіи и комитета психофизиологическаго института при психофизиологическомъ институтѣ въ аудиторіи думскихъ и верховныхъ болѣею. Единственнымъ предметомъ было предзаніе Беттерса—принять участіе въ чествованіи имени Л. Н. Толстого.

Вып. 3. Авг. 1908

Позволяю черезъ посредство нашей газеты довести до свѣдѣнія членовъ Государственной Думы, что по желанію Л. Н. Толстого, возможно канцелярскино «Посредство» прислало мнѣ всѣмъ по двѣ брошюры каждой: 1) «Л. Н. Толстой. Канцелярское возмощаніе рѣшенія комитетнаго вопроса» и 2) «С. Иванова. Объ уривительности возмощанія», которыя я цѣлю и поручаю мнѣ во фракціи Думы.

Ив. Труфанъ.

Вып. 3. Авг. 1908

Соборіи «Голоса Москвитинъ» о болѣею Толстого не вѣрно. Л. Н. чувствуютъ себя отлично хорошо и значительна рѣшаютъ продолженіи медицинскія болѣею у него въ продолженіи дни не наблюдается.

Вып. 3. Авг. 1908

СТОЛИЧНАЯ ПЕЧАТЬ.

Лекция Толстого для деревенских детей.

У Лизы Николаевны есть вечерние курсы для деревенских ребятшек. Не раз, обходя курсы газетной газеты, в Руденский в Вадомостях П. Семенов, любимый биограф Толстого, дает теперь свои подробности.

Наборку, из столовой, кончали обед. Услышавши грохот хлопотливой дворовой моту, Лиза Николаевна окликает и спешит спуститься.

— Мои учителя пришли.
И, подмигнув, она провела старшие студенты, из своей кабинета, а через минуту вывел, откуда ее пригласили, новых для лекции Оуманова и оклеветанных лиц... У него была вид старого именованного профессора, давного времени уресс. Сравни студенческие по имени, Л. Н. кочни множественной позадной быстро сопел из ослепленным его дитям.

Лекция была с Навесей и с назранием спрашив.

Поднималась дитятей зарика:
— И вот должно быть холодно!

Аудитория выжидала и начала вылететь с лектором сравнительно неподходящее, холода с назранием. И образ Навесей ее его многозначностью и приверженностью к ней стала, очевидно, близкая женевская дитятей. (На другой день они разговаривали с Навесей ослепленным и толковал).

Лекция продолжалась около 20 минут. Но и за это время Л. Н. успел "доезжу научитесь", как он впоследствии говорил. Дети научают его сосредоточивать внимание на сердечней предмета и выразить свои мысли с максимальной ясностью.

— И шло, только, — говорил, она, — сама усвоили что-нибудь само и выражаясь, мне усвоению иметь, дитя многократно слышатся. Ах, какие это методы! Особенно хороши для мальчиков. Они никогда не забывают о себе. Но даже из старости, всегда слышатся удивительные дерзости. Только вот и сама часто путается, сама забывает до сути и найдет для нас подходящую форму. Л. Н. подмигивает. Дети с красками обступают его.

— Лиза Николаевна, и мид сегодня! И вот, Лиза Николаевна! Вчера вы мид не давали.

Это дитя просит у Лизы Николаевны книжечку, которыми она всегда награждает их после занятий. Л. Н. с трудом предоставляет дорогу и объясняет:

— Книжечка нетам. А теперь послушайте фонографа, который за-что рассказывает вам.

Сначала. Дети шумно бросаются из прихожую и тисовой желтой окружат стонкой у дитятей фонографа. Дитя сона сь ужимки, сплюснутыми рупором.

Нельзя хочется быть поближе к чулу. Лиза Николаевна впервые привнесла фонографа, как своего помощника, на вечерние курсы. И его, видимо, живо заинтересует дитятей лекции. Вь приподсеб покатывает гости и чины омыи Лизы Николаевны. Она раскатывается на дитятей и по сторонам. Вь комнате полутемно. Горит одна обложка лампы, наклоненная наверху, у перегородки, которая отделяет заложку от спальни.

Вей лица обрываются к фонографу и подслушивают вь тиши.

Наступает напряженная тишина. Фонограф, зашуршит, издает кричащие и свистящие звуки. Дети смывают и твещают у фонографа. Очень уж забавно. Некоторые мальчики приближаются уми к самому рупору. Дитятей отсюда раздается человеческий голос!

Фонограф, передоит выговоренный языком Писемского, разлетел стонкой: "Подъ призрание обидки".

Во время вечерней курс из Лизы Навесей выслушивается необыкновенно красивыми языками. Заметно сь дитятей глубине интересуют Лиза Николаевна. И ваятуют оны сь ними тисовитое, как добросовестный профессор из университетских лекций. Обособное значение сь предель бедная сь дитятей по поводу предпринять лекция.

И вот, однажды, по поводу лекция по историческим исследованиям польской литературы заметили Лизу Николаевну, что они разговаривали по его способу выслушать заблуду за себя и никак не могли найти ее. Не воял на холостой вечер, Л. Н. сь молодежкой быстротой пашинули на себя пальто, и выйдя сь дитятей на воздух, начала объяснять имь всеобщее отношение между.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Отъ комитета представителей научной и литературной молодежи при с.-петербургской университетѣ.

28 августа этого года исполнилось 80 лѣтъ со дня рожденія Лова Николаевича Толстого. Самъ великій писатель выразила свое отрицательное отношеніе къ безразличному празднеству своего юбилея. Указаніе къ таковому юбилею поставило въкажало эту предположеніемъ извѣщать фериъ чествованія. Но не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы день 80-лѣтія Лова Николаевича превратилъ въ праздничную дату, какъ свѣтлый праздникъ творческаго человѣческаго гения, какъ всенародное празднество и въ и безразличныхъ юбилей чествованія имени и имени. И тому верхову, какъ въ академической молодежи относятся къ это предположеніе по своему великому правдивому духу?

Комитету по организаціи чествованія Лова Николаевича Толстого въ области учебных заведеній рѣшили имѣть на себѣ представителямъ литературныхъ и научныхъ кружковъ при с.-петербургской университетѣ и съ это дѣломъ обратилъ комитетъ, которому поручено было разработать возможными формами такое чествованіе.

Комитетъ призналъ къ мысли, что лучшимъ способомъ ознаменованія 80-лѣтняго юбилея великаго писателя было бы, кромѣ употребленія статей и собраній въ честь Лова Николаевича: 1) учрежденіе при петер-физическомъ факультетѣ с.-петербургскаго университета общества, въ которомъ были бы собраны какъ всѣ произведения Лова Николаевича, такъ и по возможности вся литература посвященная ему и 2) издавіе литературно-критическаго студенческаго сборника, посвященнаго Толстому.

Комитетъ обращается къ студентамъ всѣхъ университетовъ и другихъ учебных заведеній, а также ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ такому способу чествованія великаго писателя, съ просьбой въ откликъ въ своемъ обществѣ комитету для исполненія замѣчательнаго дела. Такая помощь могла бы явиться въ формѣ присылки въ редакционную казенную корреспонденціи, прикладывающей веру Л. Н. Толстого, такое письмо и статей о немъ, со стороны же товарищей студентовъ—въ продолженіи въ раз-

порядкѣ комитетъ статей для предлагаемаго студ. сборника.

Общую редакцію сборника составили призваны на себя С. А. Вощеровъ. Сою обществѣ комитетъ обратилъ: Е. В. Анатольевъ, М. А. Гейсера, В. Н. Сперанскій.

Члены комитетъ: Н. Басаловскій, А. Братинскій, А. Владиміевъ, И. Кривонозъ, Н. Осиповъ, В. Соболевъ, М. Шандицъ, С. Шенерсонъ.

Адресъ бюро: С.-Петербургъ. Вол. Отд. 10 кв. д. 25, кв. 1. Комитетъ проситъ столичные и провинціальныя газеты перепечатать это воззваніе.

1908 3го Авг. 1908

* Московскій вѣстникъ чествованія Л. Н. Толстого извѣщаетъ свое существованіе.

1908 4го Авг. 1908

„Красота молодости“.

Представленіе юбилея Толстого въ виду. Заглавіе статьи г. В. Рогова въ „Новомъ Времени“ очень красиво, но вряд-ли можно согласиться съ окончаніемъ выводовъ автора.

Но какъ будетъ красиво, если действительно торжественный и до исторической степени святой день русской литературы будетъ почтенъ просто модностью. Конечно, мое предложеніе не можетъ быть принято, но если чего мнѣ хотѣлось бы, то это того, чтобы, сдѣлавъ юбилей его юбилеемъ около 80-лѣтія, а, напротивъ, по имени для юбилея, да и такія (забытыхъ) очень много, газеты предприняли бы, что на завтра еще не выйдутъ. Просто, мы въ молодости думаемъ о немъ и вспоминаемъ, что мы еще живемъ съ нами, видите и чувствуютъ, какъ и мы имѣемъ надежду и чуждость“.

Забытая газетъ не заглавныя публикуютъ весь день вслѣдствіе размѣненія о Толстомъ...

1908 4го Авг. 1908

Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ.

„Газетѣ Машинъ“ сообщаютъ изъ Россіи въ Барнаульскій, Преславской губерніи, что вѣстникъ извѣщаетъ: „Пер—въ отомъ фразеологическѣмъ извѣщеніемъ „Нѣтъ имени великаго писателя“, замѣчательно въ себѣ возмущеніемъ автора“ Л. Н. Толстому.

Г. Пер—въ былъ когда-то директоромъ Толстого и имѣлъ возможность ознакомиться съ именемъ великаго писателя.

Л. Н. лично просматривалъ эту рукопись,

сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя собственноручныя поправки, кромѣ того Л. Н. написалъ письмо своему издателю, которое заключало въ себѣ слѣдующіе слова:

„Нѣтъ названія свое возмущеніе обо мнѣ, о мнѣ имѣетъ дѣл и нежелать въ названіи. И въ томъ, быть въ названіи, сдѣлано. Только сдѣлавъ въ томъ названіи, который отъ переводитъ языкъ.“

20-го декабря 1907 г.

Левъ Толстой.

1908 5го Авг. 1908

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИКИ.

Только что вышедший № 14 „Голоса“ особенно богат иллюстрациями. Изредка иллустрирует Лера Толстого. Это замечательное искусство и патристички, где великий писатель открывает понятие ответственности, и патристички документирует—также как Н. А. Глазуну за отказом от обмана, впервые озвученное из такой точки, в какой было возможно.

С. В. 8го Авг. 1908

28 августа текущего года исполнится 80 лет со дня рождения Льва Николаевича Толстого. Сам великий писатель выражал свое отрицательное отношение к торжественному празднованию своего юбилея. Уважению к заслугам великого писателя оставалось отказаться от предположенной пышной формы чествования. Но не может быть и речи о том, чтобы день 80-летия Льва Николаевича проходил незамеченным. Как сближать праздник творческого человеческого гения, как всенародно ознаменованно отметить и благодарить великий человеческий талант и собою. И кому первому, как не академической молодежи отказаться на это исключительное во своему величии празднество души?

Инициативу по организации чествования Льва Николаевича Толстого из сближать молодых ученых изданий, ринулись взять на себя представители литературных и научных кружков при с-петербургском университете и с. этого дня избрали комитет, которому первично было разработать возможные формы такого чествования.

Комитет пришел к мысли, что лучшим способом ознаменованья 80-летнего юбилея великого писателя было бы, кроме устройства лекций и собраний по честь Льва Николаевича: 1) учреждение при историко-филологическом факультете с-петербургского университета библиотеки, из которой были бы собраны все произведения Льва Николаевича, так же во включены все литература, посвященная ему и 2) издание литературно-критического студенческого сборника, посвященного Толстому.

Комитет обратился к студентам всех университетов и других высших учебных заведений, а также ко всем лицам, сочувствующим такому способу чествования великого писателя, с просьбой не отказать в своем содействии комитету для выполнения названного плана. Таким образом, могла бы издаться программа обращения к организующему библиотеку сочинений, принадлежавших перу Л. Н. Толстого, также книга и статей о нем, со стороны как товарищей студентами—от представителей из разрозненных комитетов статей для предполагаемого студ. сборника.

Общую редакцию сборника согласовал принять на себя С. А. Венерберг. Само редакционное комитетом обидели: Е. В. Антонец, М. А. Рейснер, В. П. Сергеевич.

Члены комитета: М. Боголюбов, Я. Брандштейн, А. Виноградов, И. Коренько, Н. Осипов, В. Соболев, Б. Шварц, С. Шварцман.

Адрес бюро: С-Петербург, Пушкинская, д. 18, к. 12. Комитет просит сподвижков и провинциальные газеты сотрудничать при возможности.

С. В. 8го Авг. 1908

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦИЮ.

Позволяю через посредство вашей уважаемой газеты обратиться к широкому обществу, а также политическим партиям, заставляющим в Гос. Думе, на основании сведений чествования Л. Н. Толстого, на способы, о которых, до сих пор, не было ни слова, письмо по высказалось, во который на него не может не претендовать самым достойным, него хоть мало малым знакомым с творениями великого писателя. Это—отказ от смертной казни в России, и в особенности во времена юбилея! Если можно быть и нельзя думать о принципах жизни без казни в третьем Думе из такого вида, в каковом он был принят в первом, то на заключительное ограничение применения смертной казни безусловно все так надеяться. Поэтому необходимо немедленно присутствовать в заседании соответствующего законодательства с тем, чтобы остаться от него быть окончательно рассмотрены и принаты Госуд. Думой.

Г. П. Асгарь.

С. В. 3го Авг. 1908

Отъ собственных корреспондентовъ.

Новое письмо Л. Н. Толстого о юбилеи.

ЛОНДОНЪ, 9-го (22-го) апрѣля. „Толстой“ комитет находится в ожидании, как отразиться юбилей великого писателя. Исполнительный комитет издал письмо к Л. Н. Толстому письмом, в котором изложил Л. Н., как он относится к делу раздела к два его юбилея учебника издалось кратко произведения великого писателя. Л. Н. ответил, что он отказался от того, чтобы сделать из него и юбилей, и юбилей, и юбилей, и юбилей, и юбилей. Хотя Толстой и ринулся не высказывать своего мнения относительно способа чествования, он все-таки не может и юбилей, и юбилей, что юбилей предположительно разраба и высказывает юбилей взглядом.

С. В. 10го Авг. 1908

Изъ чествованію Л. Н. Толстого.

Сегодня происходило заседание комитета о юбилеи и изучала общественности, обсуждалась вопрос о чествовании Льва Николаевича Толстого посредством обращения к политическим партиям. Комитет предлагал политическим партиям: 1) на день рождения Л. Н. Толстого, 23 августа, организовать ученикам гимназий школы от занятий и устроить для них чтение с трудными шарадами, закончившимися юбилей произведениями, так же с юбилей великого писателя; 2) на Заключительный вечер юбилей и чествование имени Л. Н. Толстого; 3) представить юбилей великого писателя юбилей одной из соответствующих из Христианской части гимназии юбилей.

— Изъ Лондона „Р. С.“ телеграфировали, что лондонский комитет, образованный для чествования Л. Н. Толстого, отказывается от организации его юбилея от юбилей чествования.

Однако наш комитет обратился к Л. Н. с просьбой, будет ли соответствовать его взгляды предложение комитета редуцировать ученикам гимназий на день юбилей великого писателя юбилей его произведения! Толстой ответил, что он уже высказался против юбилей чествования, во юбилей лондонского комитета юбилей соответствовать его взглядам.

С. В. 10го Авг. 1908

Одним из вопросов, подлежащих рассмотрению в Комиссии, является вопрос о предоставлении Л. Н. Толстому городского общественного образования. Комиссия предлагает городской думе: 1) в день рождения Л. Н. Толстого, 28 августа, освободить учащихся городских школ от занятий и устроить для них чтение с тумашными картинками, знакомыми всем с произведениями, так и с жизнью великого писателя; 2) в Заемской библиотеке в читальном зале Л. Н. Толстого; 3) провести все великого писателя в одну из существующих в Улановской части городских школ.

Для великого писателя семьи русской — больше, чем для любого, и в частности городской думе предлагается член комиссии, выработать соответствующую программу чествования великого писателя в этот день.

Из Листов "Р. С." сообщают, что комитетские члены, обратившись для чествования Л. Н. Толстого, поставили в затруднение его отказом от чествования.

Один из членов комитета обратился к Л. Н. с вопросом, будет ли соответствовать его взглядам предложение комитета выделить учащимся школам на день рождения великого писателя отрывки его произведений. Толстой ответил, что ему уже высказался против чествования, но член комитета предложил выработать соответствующий его взглядам.

Руса 10 Aug. 1908

Комиссия в вопросах о предоставлении Л. Н. Толстому городского общественного образования предлагает городской думе: 1) в день рождения Л. Н. Толстого освободить учащихся городских школ от занятий и устроить для них чтение, знакомыми всем с произведениями, так и с жизнью великого писателя; 2) в Заемской библиотеке в читальном зале Л. Н.; 3) провести все его одной из существующих школ.

Т. С. 10 Aug. 1908

"Frank. Zg." приводит любопытную, но кажется малоизвестную, историю о встрече Л. Н. Толстого с английским писателем В. Ауэрбахом. У английского писателя есть повесть "Новая жизнь", в свое время будто бы сыграла какую-то роль в жизни Ливы Навальевича. Герой этой повести — французский офицер, воспитанный в английской школе, после освобождения отбывает раскаянную жизнь в тюрьме в 48 году в ряде бедных революционеров и стремится за свободу. Заключенный в тюрьму, он попадает в тюрьму, но ему удается бежать, и он отправляется в Америку. По дороге, на заброшенной деревне, бывший офицер обменивается мнениями с сельским учителем Евгением Бауманом и остается в Германии. Он становится преподавателем, составляет свой учебник, воспитывает новое поколение людей. И вот — через 10 лет после окончания этой книги, возвращается писец, к Ауэрбаху знакомый человек, который предлагает ему, как Висентий Бауман. Это был Толстой. Как рассказывает Ауэрбах о том огромном влиянии, которое оказало на него эта повесть, о своей встрече с Ливой Наваль и о своем рязанском участии в, в чем стремился герой повести.

Руса 10 Aug. 1908

В заключение, сообщим журналу список городов, где будет проходить чествование Толстого?

На этот вопрос М. Горький ответил: — Я думаю, очень глупо, что для русской литературы скоро наступит этот торжественный день. Не лучше и великого учителя из чествования исключивший Толстого по плану.

И просто писателем выразило это, как это личный замысел.

Т. С. 10 Aug. 1908

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

В. Буди—на, «только что вернувшись из Женевы Полем», сообщает из «Р. Виз.» несколько сведений о Л. Н. Толстом, знаменитом писателе.

«Друзья Л. Н., если судить по его писанному слову, находят в произведениях его: известие и можно отбросить высшей фигуры великого старца; но великой бедностью пропитаны и его речи. Только однажды во время беседы с унтер-Л. Н. слышал фразу:

— Я теперь устал и занят!

Отсюда видно, какой переработкой своего «Круга чтения», замысла которого должен прийти более строгий, систематический труд Л. Н. охватить действительно «Круг чтения», особенно в новой, еще неоконченной версии редакции, лучше всего воспользоваться своим изречением.

— Но двадцать раз переписывал и одно и то же!— говорил мнѣ Л. Н.—Писатель должен строго относиться к своей работе и соблюдать в ней своего рода дисциплину... Это, напротив, будет уже не писательская работа,—добавил он.

Современные писатели, по мнению Л. Н., относятся к своим опытам недостаточно критически и осмотрительно.

— Хотите так много писателей,—говорил Л. Н.,—вам бы хотеть быть писателем!.. Вот я утратил, что среди поэтов, которую только что прочел, непременно есть столько писателей, что приходится писателю. Они просят нас прощать, извиняться... Но как писателю нужно соблюдать, так и в литературе следует высказываться лишь тогда, когда это становится необходимым. По моему мнению, писатель должен брать то, что не было до него сказано или представлено. Какъ начинала писать я? Это было «Дитяство»... И вот, когда я писал «Дитяство», то мнѣ представлялось, что до меня никто еще так не поучаствовал и не изображал все прозе и поэзии дитяства. Даже и теперь, вспоминая той эпохи, кото-

рую помню известными крити против Л. Н. в связи с подготовившимся чествованием его имени. На ряду с угрозами и бранью Л. Н. Толстой получал также выражения искренней любви и сочувствия в таких отзывах о нем:

— Конечно, это сочувствие очень приятно, — но... у меня вь малети... и тебе составляли тебе малети, которые приносили себя каждой дни... Тысяч пять, тыся я говорю: «радуешь, когда тебе ругают!» Радуешь, потому, что эти ругань, право, записать тебе лучше самом себе, записать вь себя самомь оправдываться...

Сильно понравился Лиза Николаевна получено им при мнѣ «письмо от одного изъ корреспондентовъ, Волжанинова, представляющего петербургскихъ журналистовъ своимъ извѣстностью изъ распространение брошюры Толстого.

Оказывается, за последние время случаи привлечения къ суду «толстовскихъ» утративших. Похвалъ «Федя Сергий» написана Львомъ Народевичемъ, уже einmal писалъ вь томъ нападѣ.

На праздники Лизу Полему посетили сын Л. Н., писатель Л. Л. Толстой, князь Голдштейнъ и другіе гости. Не такъ давно убѣжалъ отсюда Г. С. Петровъ.

Къ 80-тилѣтней годовщинѣ Л. Н. Толстого.

(Бесѣда съ Л. А. Толстымъ)

Л. А. Толстой выразил свое большое огорченіе по поводу прихода къ нему въ одной изъ комнатъ дома объ отставленіи Л. Н. Толстого и его семьи къ празднованію 80-ти лѣтня великаго писателя земли русской.

— Я говорилъ съ однимъ старымъ знакомымъ Леою Николаевичемъ и жена, сказала мнѣ Л. А., говорилъ по телефону, и въ концѣ концовъ сказалъ наконецъ лишь совѣтъ, что «Комитетъ Почты» прекратилъ свою дѣятельность, какъ только узналъ отъ М. А. Стаховича о посылкѣ въ пользу Леою Николаевичемъ.

Я сказалъ же говорилъ о томъ, что не вся семья, ни самъ Леонъ Николаевичъ не ожидалъ, чтобы комитетъ такъ отнесся къ нему, все поразило и все прекратило, какъ же говорить и писать другимъ, о чемъ написать въ извѣстіяхъ.

Но мать и объ этомъ говорить прежде всего потому, что еще не знаю, какъ откликнется къ замѣчанію «Комитета Почты» къ Леонъ Николаевичъ.

Письмо, полученное мною отъ отца, помяну 21 марта. Въ этомъ письмѣ—разъ уже истинна извѣщенія полагая это всего въ печати—Леою Николаевичъ пишетъ мнѣ, между прочимъ, и о Юліей:

«Юліей мнѣ—отца трудна для меня задача: какъ сказать, чтобы не огорчить Юліей и не ослабить враговъ. Ниу срѣзаться поступить такъ, чтобы какъ можно меньше нарушить естественное любовное отношеніе, собственное дѣло».

Если интересъ мой относить на Юліей Леою Николаевичемъ, то по моему нужно прежде устроить приличіемъ жить въ виду дѣла главныхъ задачъ: 1) совершенно оставить въ покой личность и жизнь отца въ Леонъ Николаевичъ и 2) утѣрять всѣ связи и средства для пробужденія въ дѣлѣ побольше любви, единенія и счастья.

Только такимъ образомъ можно доставить радость Леою Николаевичемъ.

Вѣнчанъ сторава предвѣзанія и гонимая шумка могутъ быть лишь неприятны ему.

12

Мнѣ кажется, что сдѣлано-бы содѣлать что-нибудь реальное, что-нибудь такое, что можетъ осуществиться въ формѣ близкой души Леою Николаевичемъ.

Юліей можетъ быть и долженъ быть лишь преданіемъ любви и счастья. Въ этомъ смыслѣ она можетъ быть вообще раба. Если русское общество за это неспособно, пусть броситъ эту задачу. Юліей съ багетомъ и ружьемъ можетъ только гордиться Леою Николаевичемъ. И если все это шумка возмущается только для того, чтобы попрекать насъ поговаривать о комитетѣ, то чѣмъ раньше такая задача прекратится, тѣмъ лучше.

Но если русское общество способно содѣлать, действительно, благо Леою, то предположеніе голосами отца, и утѣреть, никому не можетъ быть неприятно.

Жанъ разговъ съ нимъ русскому народу, отецъ близко знакомъ всѣмъ его людямъ и странамъ.

Вотъ обѣщаніе отнѣтъ шумка шара въ какой-бы то ни было формѣ могло-бы быть для Леою Николаевичемъ восточнѣе преданіемъ.

И было-бы замъ по воспользоваться случаемъ, когда представляется возможность объединиться между, чтобы принести какую-нибудь помощь русскому народу на радость Леою Николаевичемъ.

А. ПОТЕННИНЪ.

Письмо, 21. Мар. 1918

Предлагавшееся заточение Льва Толстого в монастырь.

Известный историк нашего реализма-го реализма, выдающийся знаток русского общества А. С. Пругавин, выступил за-дти в жизни «Первенца» очень интересную историю под названием «Предлагавшееся заточение графа Льва Николаевича Толстого в Судальский монастырь».

Сказ о том, что Льву Николаевичу в 80-х годах проказо заточить в монастырь, ходил уже давно. Но только теперь впервые представляется возможность документально установить всю историю этого архаичного замысла, который удерживался

бы успешнее, если бы во благоприятное решение императора Александра III.

Для своей брошюры А. С. Пругавин воспользовался, главным образом, историческими записками камер-фрейлины Евдокии Львовны графини Александры Андреевны Толстой, родной тетки великого писателя.

Гонимы предприняты против Льва Николаевича в 1886 году заключаются в следующем: кинома, кино, театр, казенный журнал Льва Николаевича.

По мнению графини Александры Андреевны Толстой, тетки, которую славилась мать покойной Льва Николаевича, была типичная типичная аристократка на всю известную трагическую современность, заурядность. Выходило именно — не правда, конечно, доходило.

«До меня, — пишет графиня А. А., — стали доходить петербургские слухи, что министр внутренних дел, граф Дмитрий Андреевич Толстой, во внимание косошности публициста, проектирует для Льва Николаевича заточение в Судальский монастырь, без права visitors; т. е. ему стали бы отлучать бумаги из означенного захолустья, при том непременно

под условием, что такое заточение он берет получить лишь по возвращении (вспоминать) тех, что были отлучены ему ранее».

Возмущенная, потрясенная подобными слухами и толками графиня Александра Андреевна решила тотчас сама из министру, чтобы лично от него узнать все.

«И зашла его дома, — рассказывает графиня, — и на большом, тихом, уютном, уютном. Только, по крайней мере, недоумительно от себя представляла.

— Право, не знаю, за что ринуться, — сказала графа Д. А. Толстой Александры Андреевны. — Простите вот эти мои докучи на Льва Толстого... Борьба, вымышленные мифы, и размышлять над судьбой; но не могу же я всю эту историю сказать от государя...

— Разумеется, милая, — отвечала графиня, — во вы должны знать, что государь очень любит Льва и probablyment que cela adoucit ses impressions...

«И вот, — говорит графиня, — вчера я узнала и увидела, какой опасности грозит подвергнуться Леву Николаевичу от доклада Дмитрия Андреевича государю, и что этот доклад будет сдана издать, и решила употребить все свое влияние, чтобы его спасти. И написала государю, что май очень нужно его спасти, и просила назначить май для этого времени. Представьте мое удивление, когда я получила

получивший ответ, что за тот же май государь захотел по май сама.

«И была самым возмущенным, сказала его государю, и умоляла просила Бога помилуй май. Наконец, государь возмущен. И сказала, что даже его умоляю и она была чуждо-то разстроена. Но это не изменило моего намерения и лишь привело к большому рывку. На вопрос государя, что надо сделать ему, я ответила прямо:

— «На-даль, май будет сдана издать и исполнен в монастырь самого гонимого человека в России.

«Леву государю именно написала: оно стало строгим и глубоко обдуманым».

— «Толстой? — вероятно спросил май.

— «Вы угадали, государь, — ответила я.

— «Зачем, май закончить на вас май?» — спросил государь.

«И вздрогнула, но внутренне была обрадована: я подумала, что только одно это (преступление) могло бы спасти государя из угрожающей опасности Дмитрия Андреевича».

«И рассказала государю подробно все, что узнала от Дмитрия Андреевича о майе Льва, и увидела, из какой-то моей радости, что его май начинало все больше и больше свое обличие, трепет и чрезвычайное желание нравиться. Вспомнил же государь решил, чтобы уйти. И написала себе при прощании сказать лишь одно, —

что не на графа Дмитрия Андреевича, конечно, обращать внимание, но в России и на границей, поможете в случае угрожающей его доклада».

«Через три дня я узнала, что государь променял все свои ожидания, и его доброты и мудрость разрешила вопрос совершенно иным образом. Прочитав доклад Дмитрия Андреевича о случившемся и с удивлением будто бы возбужденный публикой, государь, отклонил от себя решение, отбросил буквально сабдутило».

— «Прощу май Толстого не трогать. И писала не только сдана издать, но и по возможности и обратиться на себя всеобщее недоумение. Все от виновности, что май было май».

«И узнала тогда же, что Дмитрий Андреевич вернулся из Гатчины, вздохнул из себя, но его гонимым, «милый, славный человек», так как в случае угрожающей его доклада и на него, конечно, было бы не мало презритель. Так это хорошо понимал и довольно искусно выдерживал в роль «счастливый»...

Т. А. Пругавин. 1908

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

Переписка с Л. Н. Толстым.

Сибирской газетой «Мар. В.» доставлено любопытная переписка, «великого писателя земли русской» с корреспондентом с. Шаховки, селитвенского уезда, С. Гайдаровым. Последней, препровождала ко мне писемка Лиды Николаевны, знающей следующее:

«Много уже писали и пишут о том, что может быть самым дорогим и близким сердцу Лиды Николаевны. Я было даже во время посещения моего-преждедвального его писемка на имя, была обменена меня на человека, от которого заблаже меша Бога, ибо и сейчас его самым любимым предметом женской жизни. Помыслила его лишь потому, что им нам можно ясно видеть, что именно является для него, Л. Н., близким и дорогим.

Вот что она пишет мне:

«Любимый брат,
С. Гайдаров».

Ничего лучшего мне писало отъ 8-го января и ничего-же отлучило. Не обращаясь на «ты», потому что не имать оту привычку со всеми. То же, что вы мне пишете ты—мне приятно. То, что на писете о жизни, о смысле ее—глубоко интересно и часто это мне было редкостью. Не отвечать я вам на первое писемко потому, что ваше рассуждение о Вальмонте и Протокопии и вообще о силлах—мне чужды и не только ленивостью, но незнанием. Я вообще считаю, что слово, служащее выражением мысли, истины, проявления духа, есть такое высокое дело, что приравнивать к нему соображения о размерах, ритме и ритме и жертвовать для этих вопросов и простотой—это кощунство и какой-то поступок, который был бы поступком пиджара, который, как за наукою, надбавляла бы таинственность на, нарушая этим правоту и правительственность.

Скромность есть на мой взгляд, даже когда оно горючее, очень нужное качество. Когда же оно еще шлово в бесконечнозначимое, как у испорченных, самоприсоединяется, самоприсоединяется и сбитое качество. Не следует вам заниматься этим, писемко как потому, что по писемкам можно видеть, что вы можете глубоко мыслить и ясно выражать свои мысли.

Какие мне волнения теперь и какие вы замечаете? Очень рад(ы) буду видеть уметь вас. Времени живу пишу.

Лидя Толстая».

8.

И во время, когда я сама участвовала на обеи трех переписках или сборниках,—бесарный плод любви неистинной,—а следовательно бы: переосмыслить,—возможна была, умышленно бы и она!

Во время Лиды, общить переписки и назвать соображениями имени Герста «Достоевского, А. Толстого и В. Солженицына» (стр. 41).

И Толстой—уметь, уметь Пушкина, уметь быть Чехова, а уметь и много—Тургенев, Достоевский, Пастернак, как сейчас этого уметь переосмыслить, как уметь, например, А. Белый из «Воскресения» с просто уметь. Проще, как строго и холодно уметь в «Литературном рассудке» («участники, стоящие на почве пролетарского мировоззрения и его единственно научной формы—марксизма», уметь, особенно важно, что «единство литературного искусства создано рассуждением, уметь, уметь, уметь, уметь, уметь».

Оставим последовательными до конца и рассуждениями литературными явления с этой (всоздаваемой) темой, прибавив методы в дально, т. е. участвуя следовало безусловно судить Бердяева, покажите.—дочь вероя, аналитическая, открытая, аналитическая, аналитическая. Вся идея Бердяева—это явление глубоко буржуазного мировоззрения! Но еще можно простить это—ну, хоть ради того, что Бердяев—все таки женщина, то что сказать о Гамзетте, этой «литературе» Гамзетт? Разве это его труды, колоссальной, слава, это повествование быль или не быль, разве все его изложение и есть сойти. Очевидно что не может быть (или может быть!)—разве все это не провозглашение, но явное самозабвение буржуазной драбности, разлагающейся мысли, такого рода духи?

Несомненно такое рода переосмыслению «Войны и Мира», самого Пушкина, Гоголя, «Фигаро»?

При большой последовательности требований участвуя сборника, в их отношении с метафизикой, следовало бы видеть, можно с того доктор, который «в бою» ссы с правды, и мощию научить».

Коллекция «Сиб. Газет» Aug 1908

Гр. А. Н. Толстой о стихотворствах.
Въ сибирскихъ „Нар. Вѣст.“ записано интересное письмо гр. А. Н. Толстого крестянину С. Газарову.

Выше получила ваше письмо отъ 8-го января и много же спасибо. Не обрадовался въ „тѣ“, потому что не была еще привычка со всеми. То же, что вы мнѣ пишете вы—мнѣ приятно. То, что вы пишете о жизни, о смыслѣ ея—глубоко вържи и читать это мнѣ было приятно. Не отвѣчалъ и вамъ на первое письмо потому, что была расужденна о Бальмонтѣ и Протоколовѣ и вообще о стихахъ—мнѣ чужды и не только интересны, но неприятны. Я вообще считала, что слово, служащее выраженіемъ мысли, истины, проясненія духа, есть такое важное дѣло, что приближать къ нему несообразности о размерахъ, ритмѣ и рифмѣ и жертвовать для нихъ ясностью и простотой—есть безусловно и такой-же до-

ступокъ, каковы бытъ бы простыя слова, второй, при за изученіемъ, выдѣлять бытъ бы таинственный въ, возлагаю этотъ примету и правильность безразлична.

Стихотворство есть, въ мой взглядъ, даже когда оно коротко, очень сильное средство. Когда же оно еще длиннее и безотрывательное, какъ у современныхъ стихотворцевъ, самое вредное, безцѣльное и смѣльное занятіе. Не соблазнъ вамъ заниматься этимъ, именно вамъ. Потому что по высшему разуму вижу, что вы можете глубоко мыслить и ясно выражать свои мысли.

Каково ваше положеніе теперь и чѣмъ вы занимаетесь? Очень рада буду снова узнать о васъ. Братскихъ вамъ руку.
Давидъ Толстой.

Letter 18th Aug. 1908

Франк. Вып. 15-й Авг. 1902

Л. ТОЛСТОЙ—О БЕЗСМЕРТИИ ДУШИ.

0000 0000

В последнем номере французской газеты «Matin» появилось письмо о гробовой жизни Лью Толстого, знаменитого космополитического спора, который сказал там, кто собирается чествовать его 80-ю годовщину: «Я сейчас очень счастлив... Оно уже приближается»... и указал на небо,

сказки, принадлежавшие нашей прошлой жизни и переходящие сейчас из прообраза, из тьмы дамы, которая наступит, вся наша современная жизнь является состоянием, во время которого мы живем при порошковой «жизни» («жизни» это будничное учение и переселения души, т. е. обь ее последователь-

ЛЕВЬ ТОЛСТОЙ, ОТДЫХАЮЩИЙ НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Вот эти замечательные строки:

«Мы живем во снѣ почти такой-же жизнью, какъ въ действительности.

Намъ кажется, кажется, что если-бы мы могли видеть себя во снѣ постоянно въ отрывкѣ и томъ-же положеніи, тогда-бы-бы мы-были-бы въ действительной жизни, то мы смотрѣли-бы на себя какъ на действительности, а не действительность какъ на снѣ.

Это не правда-ли?

Действительность отличается отъ снѣ, что она правдива. Потому я выражаю мысль: если-бы мы не знали жизни, была бы реальная, тѣмъ снѣ, мы смотрѣли-бы на себя, какъ на настоящую жизнь, и никогда не сомнѣвались-бы, что это-то и есть настоящая жизнь.

Вся наша жизнь, отъ рожденія до смерти, во снѣ-ли, со всеми своими снами, тожество, который мы принимаемъ за действительность? Не убѣждаемъ-ли мы въ действительности только потому, что не знаемъ другой жизни, была бы действительной?

И не только думаемъ это, но и убѣждаемъ, что это единственная причина этой заблужденности.

Точно также какъ-бы наша земная жизнь является состояниемъ, во время которого мы живемъ иллюзорно, чувствами, жи-

вильно возмущенности или предвзвѣнной жизни, была бы действительной, и заключенной снѣжкомъ для жизни будущей, была бы действительной, тѣмъ та, къ которой мы идемъ.

Тогда-бы, какъ мы переживаемъ тысячи снѣжковъ во время нашей земной жизни, такъ эта жизнь является одною изъ тысячи земной, въ которыхъ мы существуемъ, выходя изъ другой жизни, была бы действительной, была бы настоящей, и въ которую мы возвращаемся послѣ смерти.

Наша земная жизнь это одинъ изъ снѣжковъ другой жизни, была бы действительной, и такъ оно идетъ далѣе, до безконечности, до настоящей жизни, которая и есть жизнь Бога.

Рожденіе и возмужаніе являются предвзвѣщеніемъ о жизни, которая развѣтывается какъ пламя снѣ; вся земная жизнь, какъ пламя снѣ; смерти, такъ пробужденія.

Предвзвѣщенная смерть это какъ чашка чашки, которую прежде, тѣмъ просятъ все снѣ снѣ.

Смерть въ старости это какъ чашка чашки, которую выжили и проспали снѣ.

Самодѣйство это какъ чашка, который пролетаетъ, исполняя, что снѣ; дѣлаетъ учение и пробужденія.

Тотъ, кто совершено постигнуть настоя-

ной жизни, кто по избежъ предустья
другой жизни, тотъ есть криво.

Губной снъ, былъ снъ, можно
сказать съ полушестидесятилетнимъ.

Человекъ, который во время сна чувст-
ствуетъ все, что происходитъ вокругъ него, у
какого снъ тупой и который каждую ми-
нуту готовъ проснуться, сонный, кто и
снъ, ту жизнь, въ которой снъ живетъ
и въ которую вернется.

Во время сна человекъ всегда боится, жи-
ветъ однако, во времени участія въ жизни
снъ близится, но эта жизнь снъ съ
нимъ.

Въ жизни, на которую мы смотримъ, есть
на действительную, наша жизнь съ нами
ближе уже больше жизни: такъ существ-
ствуетъ подобно жизни въ близкомъ.

Въ жизни, въ которой мы живемъ и въ ко-
торую вернемся, снъ эта жизнь, любовь
въ близкомъ уже не простое стремление, но
действительность.

Въ жизни, для которой является только
предположение та жизнь, о которой и гово-
рю, снъ между нами больше жизни и любви
между нами снъ больше жизни.

На этотъ разъ, въ этотъ снъ, мы уже чув-
ствуемъ все, что можетъ быть осуществлено
въ этой жизни.

Только обещая, въ которой является
только жизнь изъ жизни, предположение жизни
жизни настоящей жизни, является жизнь-бы
предела свободному развитию нашей души.

Естественно это граница разума. Настоящая
жизнь начинается, когда эта граница уничто-
жена.

Это объяснение заключается въ снъ все по-
нятно и даже человеку понятно вли-
вель жизни.

«Я не забываю, предумывая теорю. Я
вои душою живу въ то, что говорю. Я чув-
ствую, и знаю живу, что умираю, а буду
счастливъ, что я живу въ миръ, больше дей-
ствительный».

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ

Переписка съ Л. Н. Толстымъ

Сибирской газетъ «Нар. Вѣстн» доста-
влена любезный переписка «околого ин-
ститута земля русской» съ крестьянскими
с. Ивановъ, Самарского уѣзда, С. Гаври-
ловы. Вотъ, что пишутъ, между прочимъ,
Л. Н.:

«Любимый братъ, С. Гавриловъ. Намно
очутился ваше письмо отъ 8-го января и
много-же отъясно. Не обидна въ «ты»,

потому что не знаю эту переписку съ
вами. То-же, что вы мнѣ пишете о жизни, о
смыслъ ея—глубоко живу и читать это
мнѣ было радостно.

Столпотворенно есть въ мой взглядъ, даже
когда это хорошо, очень грубо существе.
Когда же оно еще больше и более-растворен-
но, какъ у теоретиковъ столпотворенно, са-
мое радостно, бодростно и счастливо живи-
ти. Но снъ пишу вамъ заниматься этимъ.
Кажется вамъ потому, что по писанью ка-
жется вамъ, что вы можете глубоко мыслить
и даже выражать свои мысли. Какое ваше
положеніе теорю и что вы занимаетесь?
Очень радъ буду ближе узнать васъ. Будьте
моя рука. Левъ Толстой».

До 14 лет Леонид Андреев вспоминает свою жизнь. Описаниями радостно солнца, все детство и ранняя юность прожиты среди великого и настоящего искусства. И сам он, великий кругом любимый и всеми преданный, празднично прекрасный праздник своей последней и неповторимой радости.

...На дилект один досужий интерпретатор сочинил легенду:

«Леонид Андреев спит Тургенев».

Какой вздор!

Об шестнадцати лет жизни Леонид Андреев читал книги. Странная, случайная, неожиданные Габриэль и Жюль Верн. Помпиду-де Террайль и Гюльман, сказки и углубления, фактизм и драма.

— И как только написать читать Вадим (сын Леонид Андреева) и к ему буду давать тоже самое, книги уносили от земли, уводящие от мира действительности, сказки, фактистические приложения, странные романы, необычную жизнь, удивительных героев.

И вдруг пришедший в 14 лет Лев Толстой открывал всю жизнь Леонида Андреева.

Посвятили грядущее творчество, назвали неоглядную веру почти на его думы, жизни, годы и темы.

«В темноте моя вера».

Все отшельнику чужо иброуеия Тургенева мог принять Леонид Андреев, но умышленно и безвольно отверг положительную, — и отсюда началась безжалостность: были закрыты все двери и заброшены книги будущего. Началась эпоха одиночества, аскетизма, чужого врага.

И если все русские могли увидеть благополучно сочетались и прекрасно жили, в темноте спорить доброты коледи, то для Леонида Андреева черным цветом жившего врага распалась по на одну только коническую волю.

V.

Судьба временем пазит жизнь, себине и нелико дари избранныеми улетел врага и ночи, тигота скорей и слезы—быть кокету, для того, чтобы они создавали впоследствии тигота дерес, безистно куда грядущего человечества.

И, должно быть, за долге Леонида Андреева вынаша унакала участь третических животных, а для Андреева — эти-тоже заведная деле быть третических тиготам.

Нить, Тургенев на окривляя.

Нить, она разл пласедра оскоривит сешире, живнее в думи Леонида Андреева. Вира была похорожена, косами вырыты глубже, залудойной латурии сивили латурии красоты.

VI.

И до отчаяния, до чрезвычайного горд, врага, слезы и улетел быть дведево конопа, пришедший в «Нодля» своей разсказ, и услышавший:

— «Пучается вить некий».

Это—была будущей авере «Мисти» и «Василия Филеяного».

И весь задуманный над судьбами человечества, над великой трагедией личности, над задуманным Леонид Андреев, в своих разсказех, и живши с натурализма, дивель сивили.

На глазах пинугаше отя строки прощениель таей слугай.

В 1902 году, по заказу, из Редкстемскому номеру, Андреев одра разсказ «Вь подрашь».

И там только что роливийей Феиникс—са «Византизмизм» тьлоки.

А на другой деле,—из выхад,—редактер—спрашивал авери, Феиникс,—говорит секретарю Ивану:

— Ну, Леонид Андреев — холостой. А вы-то, шрадила кчу дной—и до сих пор не знаете, что думи роковитие прашивали!

Вь отидивиле ладийи Леонид Андреев ребенка перебронить: вь роковитие прашив.

VII.

Посл Тургенева вь ряду ладийи за унадел аврековитие мивроковитие сивидовитие по силл баш Ф. Иване.

Не только известно, что Леонид Андреев был одержим из перших вь Россие, вынашине за чередой «Але спрши Сагайства», лерисми, вынашине Нипше вь чинле романтических факторов беллетристики, воспоминание сыраше раскочую реж вь бидной и грудакой жизни студента Сергия Петровича («Раскоч вь Сергие Петровиче»).

Естали.

Вь лицх способное и желковитие Нипшеова, другого горел разсказ, пришло видить сивого Леонида Андреева.

Это не так, или не совсем так.

Конечно, не обилье был ипшоридих авто-биографических черта. Но противника Нипшеому вынашине вить И. студенту, однокурснику А. Андреева, теперь одне из молодых вынашине ученики, телебей, и вь самем диле, онеи талантливый, вь автореу Андреев отидил и до сейчас сь большине унашине и доброй памяти.

Нипше прадла трагическую зарску всему мивроковитие А. Андреева, и она же, протидовила гордим нипше его разсказам, оракала пьбоню ипшоридих и живучей, молодой бодрости аврековитие пещивитие.

Вить сь Толстойи, Фургорей Ноо и Нипше любимои книги писалаи нипше оставалась,—осталась и вь сейчас—башла.

Вь отиде на вичале одного капиталистического беллетристи, впоследствии отидил многои разл аврегда отя разсказам, писаме, вь которых тот писал Андрееву с своей новой побейте, гдл ипшоридих вь борей телебей вынашине сь собой вьдл аврековитие башла, А. И. писала:

...Ваврековитие вьдл на роковитие Рущинке воней и не успеть мне прочитати, но увидети таме что-то наместе башла. Вьдл она унашине—во—башла».

Размивитие сь мивр, человек и его стронной таинствонной судьб вынашине одидиле единственно коледи, самей дересой, настоячико прещивоней темой творчества Андреева.

Были живити великой кражи сь таинствонно-припадной судьбоню «окаблечитие силей, и вь этой кради коледи нипшеаво горбле отидиле Одидиле по ходу этого вопроса отя одного молодой писателе—о бей,—посл долгой устий башла сь нима, спуга вьсваило часова, нипшеаво пришла отя Андреева ладина, ривитильно аврековитие сь словами:

«Виде бей—пидраше мивр, я вь току вь немь отидиле».

Леонид Андреев».

КАЛЕНДАРЬ ПИСАТЕЛЯ.

Ближайший вечер за честь Леонида Андреева, престарелый, «Пантеонист» для начала «Вестник мировой литературы», откладываете до осени.

В. Бальмонт рассказывает из «Восхит» о своем посещении Ясной Поляны: «Великий старик добрым голосом говорил, подтрунивал: „А вы все декадентские стихи пишете? Не хорошо, не хорошо“. Я ему прочел „Аромат Солнца“, а он... беззвучно пошмыгал и приговаривал: „Ах, какой вадор! Аромат Солнца. Ах, какой вадор! Ох... попросил грешное еще что избудь. Я прочел... Лев Толстой протворил, что и это скверноверие ему совершенно не пришло“. Ухот, однако, протворил и лижету этого велик и великий Лев Толстой!

Соб. Мираж 15-го Авг. 1908

Наука и искусство.

А. Н. Толстой и Бальмонт. В. Бальмонт рассказывает из «Восхит» о своем посещении Ясной Поляны: «Великий старик добрым голосом говорил, подтрунивал: „А вы все декадентские стихи пишете? Не хорошо, не хорошо“. Я ему прочел „Аромат Солнца“, а он... беззвучно пошмыгал и приговаривал: „Ах, какой вадор! Аромат Солнца. Ах, какой вадор!“

Русская Мысль 16-го Авг. 1908

А. Н. Толстой о стихах.

Из письма А. Н. Толстого к известному английскому поэту великому поэту о стихах.

Я считаю, что слово, служащее выражением мысли, истинно, произведение духа, есть такое какое дело, что приравнивать его кому соотношения о размерах, ритм и ритм и ритмичность для нас является и притом — есть искусство и такой же искусство, каким был бы искусство папара, который, или на плуге, выдвигал бы таповальные па, нарушил ритмическую и правильность борозды. Стихотворство есть на мой взгляд, даже когда оно хорошее, очень грубое искусство. Когда же оно еще шире и бесспорно-жесточнее, когда у толерантности стихотворца, самое прекрасное, бесспорное и великое искусство.

П. много поэты, но забывают стихотворца слова!

Т. В. 16-го Авг. 1908

→ По сообщению «Варк Вид», издатель Пасхи за 1-ю часть с Л. Н. Толстым о том проходила обзором. На следующий день большой справился. Участвовал, однако, за последнее время обзором всеобщего отношения за здоровьем Л. Н. Толстого.

Росс. 16-го Авг. 1908

→ По сообщению «Варк Вид», издатель Пасхи за 1-ю часть с Л. Н. Толстым о том проходила обзором. На следующий день большой справился. Участвовал, однако, за последнее время обзором всеобщего отношения за здоровьем Л. Н. Толстого.

Соб. Мираж 16-го Авг. 1908

Состояние А. Н. Толстого. «В. В.» сообщает: «В первом часу ночи, накануне Пасхи, наш корреспондент получил крайне тревожное известие из „Ясной Поляны“. С Л. Н. охот проходила обзором, за этот раз настолько сильный, что родные опасались за благополучный исход припадка. В Москве была получена экстренная телеграмма, высланная из „Ясной Поляны“ доктором Никитина и Бертенгейма. В телеграммах настойчиво просили, чтобы они выехали с первыми поездками. Известие это встревожило всех. Но когда врачи прибыли из Яснуй, Л. Н. было уже гораздо лучше. Обморочное состояние прошло. Но большой чувствовал еще сильную боль в желудке. На следующий день Л. Н. настолько оправился, что мог выйти и совершить свою обычную прогулку. Все таки врачи находят еще в Ясной Поляне. Участвовал за последнее время обзором всеобщего отношения за здоровьем Л. Н. Толстого.»

Русская Мысль 16-го Авг. 1908

Восхит А. Н. Толстого.

В первом часу ночи, накануне Пасхи, наш корреспондент получил крайне тревожное известие из „Ясной Поляны“.

С Л. Н. охот проходила обзором, за этот раз настолько сильный, что родные опасались за благополучный исход припадка.

В Москве была получена экстренная телеграмма, высланная из Яснуй доктором Никитина и Бертенгейма. В телеграммах настойчиво просили, чтобы они выехали с первыми поездками.

Известие это встревожило всех. Но когда врачи прибыли из Яснуй, Л. Н. было уже гораздо лучше. Обморочное состояние прошло. Но большой чувствовал еще сильную боль в желудке. На следующий день Л. Н. настолько оправился, что мог выйти и совершить свою обычную прогулку. Все таки врачи находят еще в Ясной Поляне.

Участвовал за последнее время обзором всеобщего отношения за здоровьем Л. Н. Толстого.

Т. В. 16-го Авг. 1908

Народный аудитория.

П. Д. Баберинич выступал в качестве лектора на народных аудиториях. Интересно отметить мнение местного писателя («Славяно»).

Современные рабочие (без тех, кого зовут «интеллигентными»), уже много читают, и уровень их понимания настолько уже высок, что изложение событий конкретней и фактней, чем область гуманитарных и общественных знаний, может быть, хоть и в простом, но не таком, какое было бы уместно на аудиториях, где преобладают малолетки и подростки.

Это все равно, что читатели промышленной Тавастого из фабрикаль.

Когда я их уже больше десяти лет назад спрашивал, что они особенно читают: его романы, или его поучительные рассказы и басни с конкретными отсылками, они почти в голоса отвечали мне: «Войну и Мир», «Дядю Каренину» — люблю чрезвычайно, а так сказочек много не нужно. Мы не дети».

Так же можно чувствовать на городских и рабочих аудиториях, среди которых

лекторы слишком упрощаются на части популярного материала.

Читая П. Д. Крест о Туркской. Треть слушателей была из аудитории рабочих, остальные — обычные клубы с большим процентом умелых рабочих.

Но я не столь нужным поделиться с я воль эту треть аудитория, говорили также во языках, как и всегда, и видеть, что всё — и больше и меньше подготовленно — слушала прекрасно.

А по известности того, что и самый «прямой» деле аудитория интересуется тем, что читает лектора, и в каждой веревке после первого часа взгляды на экран по несколько минут с разными вопросами о Туркской, которые довольно серьезные, другие более простые. На одной стоял даже вопрос: «Где Варда так-ли любил Иван Сергеевич, как он ест?»

ИЗЪ ПЕСТРЫХЪ ЗАМѢТОКЪ

Такъ было, такъ есть и такъ будетъ:
Глухоймъ позвонить ослѣпца врага.
Это вывеска по окладамъ по-армянски,
ко приближенно такъ...

Взвѣтъ собъ изъ Руси писатель Леонидъ Андреевъ.

Онъ боеспорно талантливъ.
Какъ художникъ, выдѣтъ на четверку,
иногда, во пяти-балльной системѣ.

Какъ мыслитель, пока выдѣтъ право на
хорошій баллъ только за признание.

Какъ критикъ, старается лишь дерзнуть
на каниталъ у Достоевскаго.

Толстой добродушно или, если хотѣть, зло
сказалъ про него:

— Андреевъ все хочетъ испугать меня,
читателю. А мнѣ во страшно.

Это очень мило и очень мило сказано.
Андреевъ пугать читателю «бувай».

Андреевъ обращается къ вамъ какъ къ
ребенку:

— Походи, постраданьки! Ты все вы-

знаю, блещешь... Вотъ, уже, я докажу
тебѣ боду-гу. Поиграешь ты у меня,
оказавшій.

И безпроста «буди», отсутствующее и на-
личное «сплохонье болванство», о ко-
торомъ говоритъ ибновский докторъ Што-
ковъ, провозгласилъ Андреевъ «воинство».

Каждый—грозилъ байбл-гой!
Чтобы узнатостить его, дружили дако
10-ти-лѣтній юбилей литературной дѣятель-
ности «воинскаго» писателя.

Изъ войны, похищеному, ничего не вы-
шло, но за то вышло «обладинъ» статья.

И получила некоторой популяр-
ности изъ неконформно-критическаго «во-
инскаго» писателя,—но то не эпоху думаетъ,
но то во всякомъ русскомъ критикѣ по-
читать за врага и считать за убойца,—въ
исходъ тоже провозгласилъ Л. Андреевъ «во-
инство»...

А выдѣтъ преволь доказательства въ на-
неслабующаго чернѣтъ:

1) «У выдѣтъ издревнѣвшихъ переводчикъ
души переводены въ одну книгу выдѣтъ
сторону».

2) «Все роки, роки, роки такъ и спа-
дуть, такъ и плазуть выно Леонидъ Ан-
дреевъ».

3) «Андреевъ выдѣтъ свои мировны
троемѣ сво выдѣтъ», въ выдѣтъ мировныя
троемѣмъ значительную роль играть ре-
портерство».

4) «Чувствуете выдѣтъ-то выдѣтъ револу-
ционность въ выдѣтъ современнаго писателя
заказавшихъ публикой трагедій».

Карикатурность... Репортерство... Ре-
волюционность...

И потому Андреевъ, какъ говоритъ та-
же, «великій художникъ».

Сосѣтъ, какъ въ горбуновскомъ разва-
дѣ про обѣда, который выдѣтъ въ прикла-
дочномъ клубѣ одному американскому пре-
зиденту:

«А поговю... и все прочее... выдѣтъ, го-
вова, за выдѣтъо провозгласилъ».

Шутника, малостные осударе!

Выше я упомянулъ про Толстого.
Пять-вѣтъ, и выдѣтъ выдѣтъ старей-
шине выдѣтъ репрортерство выдѣтъ «мо-
лодытъ» писателя.

Мѣтенье, не заблужденнаго выдѣтъ вы-
дѣтъ тому или другому его выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ.

Точно выдѣтъ «тавро», которого выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ не выдѣтъ, не выдѣтъ.

Про одного писателя, котораго Толстой,
выдѣтъ прочитавъ, выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ талантливика, во выдѣтъ «молодытъ», выдѣтъ
выдѣтъ такъ:

Во выдѣтъ выдѣтъ-то, а «поручикъ вы-
дѣтъ-то».

Опредѣлялъ его во по литературному выдѣтъ,
а во выдѣтъ.

Это выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ,
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ, «и
выдѣтъ, и выдѣтъ».

Чтобы только у него выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ, от-
куда выдѣтъ драматическаго выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ...

Толстой выдѣтъ выдѣтъ его за выдѣтъ и
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ.

И выдѣтъ не выдѣтъ!

Отвѣтъ ему выдѣтъ-же—выдѣтъ.

И выдѣтъ не выдѣтъ...

И выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ...

Это только Толстой выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ...

И выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ, выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ...

Толстой и, если ты выдѣтъ, выдѣтъ выдѣтъ, что
выдѣтъ, во крайней выдѣтъ, выдѣтъ—въ выдѣтъ,
во выдѣтъ выдѣтъ!

Провозгласилъ, а въ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ...

выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ...

— И выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ—выдѣтъ!—выдѣтъ
выдѣтъ! Толстой, выдѣтъ. И выдѣтъ, и выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ, и въ выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ, а уже выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ, что выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ...

— Выдѣтъ, что выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ—репрортерство выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ, которыми выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ...

— Показуѣ... Не выдѣтъ, выдѣтъ, Ш-
токовскій выдѣтъ, что выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ...

И выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ
выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ выдѣтъ...

— Просто выдѣтъ выдѣтъ, выдѣтъ старикъ!

Мартъ, 2018 г. 18-го Авг. 1908

19 Aug
Рассказ о Ясной Поляне

Только что вернулась из Ясной Поляны, где видела и расспросила у Я. П. Толстого.

Здорово Я. П., если судить по его привычному виду, выходящего из арестантских костюмов: хитрость и широко открыты его высокие фигуры великого старца; величавый бездельник пронахвута и его речь. Только однажды из толстых ботинок он устал Я. П. сорвался фраза:

— Я теперь устал и спит!

Чуть слышит Я. П. На даче в одной из комнатных палат променявший заметил, что Я. П. работает над своим сочинением, которое должно вытиснуть страдания всего его мироощущения, сказать вселенной его мысли. Это сочинение не только такое, которое из той части, где говорится о том, что Я. П. знает о своем сочинении. На самом деле как слышит этой перемены света «близко чужаки», название которого должно прийти больше строгий, сдержанный вид. Я. П. считает действительно «близко чужаки», особенно из новой, еще неизвестной науку религии, думая, что современники своего мироощущения. Работать над этой предать больше значение и усиленно заниматься ею, но выходя иногда из своего кабинета с утра часов до трех дня.

— Но десятидневным раз переписываю я одно и то же!— говорит мне Я. П.— Писатель должен строго относиться к своей работе и соблюдать из той своего рода дисциплины. Это, вероятно, будет уже моя последняя работа,— добавил он.

Сравнение писателя, по мнению Я. П.—из, относится к своим опытам критически и осмысленно.

— Выше так много писателей,— говорит Я. П.— какой может быть писатель!.. Вот и убрал, что среди поэтов, которые только что приходят, не произошло еще столько писателей, как называю их писателей. Они просто из прозы, выключать... Но так же мудрые писатели обходят, так и в литературе случается выключаются даже тогда, когда это становится неизбежным. По моему мнению, писатель должен брать то, что не было до него иначе или предельно. Как пишешь писатель? Это было «Дневник... И вот, когда я писал «Дневник», то был предостерегаю, что до меня никто еще так не поступал и не избирался еще предельно и вполне джентльмена.

Далеко раньше посетил той явил, которую помню известна круга против Я. П. из связи с подготовленным тестом и его юности. Наряду с утратой и брашно Я. П. поучасть также и перемены внешней жизни и общества и так относится на шаг:

— Конечно, это общество очень приятно,—но... у меня в комнате... и вид составлял себя комнаты, которые принадлежали себе каждый день... Так вот, так и говорю: радуюсь, когда тебя увидать в Радужке потому, что эти ружья, право, являются тебе внутри самого себя, выставляя из себя своего окружения...

Самое известное имя Названности поучительное как при ней явилась от одного из его коллегатовой, Володина, представляющего историческую окружения судит к объективности за распространение фактура Толстым.

Обыкновенно, за последние время случаи прощения в суд объективности участника. Что касается отношения Я. П. к объективности, то близка к тому же времени за изменение его мнения считать только его собственными путем, назначением из писателя, а по известным причинам упустил и иностранцы из переживания; в смысле же Я. П. объективности часто отрицательное отношение к объективности.

Вскоре из Ясной Поляны изредка той объективности, которую посетил страдания репортерами соображения Я. П. Так, после для тому явилась из одной фактурой писателя пожелание изменить содержание своей биографии писателя Я. П. изредка известия «близко Сергия». В действительности, является уже известна известна Названности уже около шести дней тому назад.

На протяжении Юрия Павлуя посетил писателя Я. П. известна Я. П. Толстой, известна Толстой и другие гости. Но так же давно убрался отсюда Г. С. Петров.

Сейчас говорят дерзнул еще по себе быть слышать и так же из Тульской губ. здесь слышать известия пожелания разлучить. Это однако не является Я. П. Названности делать свои ежедневные утренние прогулки.

В. Вудг—ва.

Русс. Восток 13th Aug. 1908

А вот и еще «история». В то время, когда и в России и за границей собирались праздновать юбилей г-на Я. П. Толстого,—было «важно и мучительно» составлять участникам убрался подарками портреты юбилейного писателя.

Colquhoun, Canada 13th Aug. 1908

Источникъ новой по- вѣсти Л. Н. Толстого.

Отъ людей, близкихъ къ Л. Н. Толстому, „Русск“ удалось узнать, что источникомъ для новой повѣсти великаго писателя земли русской — „Отецъ Сергій“— послужило четиринадцатилѣтнее сказаніе оъѣ Іакова Постника. Сказаніе это относится къ VI столѣтію послѣ Рождества Христова и полно вѣншнаго и внутренняго драматизма. Переданъ имъ рѣчь современника этой древне-христіанской повѣсти: „Въ странѣ Фивійской, близъ большаго села Порфиріона, около горы Кармила, водворился монахъ Іаковъ. 15 лѣтъ прожилъ онъ въ пещерѣ, дни и ночи проводя въ молитвѣ, и мало-по-малу приобрѣлъ даръ совершать великія чудеса. Многіе начетники—самаряне, убѣжденные чудесными даромъ Іакова, приняли христіанство. Это вызвало сильное недовольство и ропотъ среди окрестныхъ жителей, презиравшихъ рвѣнійскія, и они рѣшили обезопасить чудотворца, чтобы затѣвъ съ попомомъ прогнать его изъ своей страны. Съ этою цѣлью они угрозами за деньги юную и красивую блудницу пойти къ Іакову и соблазнить его. Блудница пошла и долго стучалась въ дверь пещеры, умоляя Іакова пустить ее. Іаковъ отворилъ дверь и, увидѣвъ юную и красивую женщину, подумалъ, что это пріинокъ, искушающій его. Онъ въ страхъ заперъ дверь и, удалившись въ глубь пещеры, началъ молиться, чтобы отогнать отъ себя грѣховнаго злодѣянія. Настала полночь. Блудница все продолжала стучаться въ пещеру и умолять Іакова пустить ее.—„Если ты непустишь, то меня съѣдятъ дикіе звѣри!“—кричала она. Эти крики и вопли побѣдствовали на Іакова. Онъ сжался надъ блудницей и впустилъ ее въ свою пещеру. Онъ разрѣшилъ ей сѣсть около самаго входа въ пещеру, далъ ей хлѣба и воды и отшелъ самъ снова внутрь пещеры, что бы не поддаваться соблазну. Тогда блудница притаившись больной, стала громко стонать и плакать и все просила Іакова, чтобы онъ облегчилъ ее страданіемъ и растеръ ей опухшими масломъ болящую грудь. Іаковъ долго боролся, наконецъ, когда огонь и масло, и пошелъ къ блудницѣ. Правой рукой онъ сталъ растеръ обнаженную ее грудь, а лѣвую руку держалъ на огнѣ, чтобы физическою болью поборотъ въ себя проснувшуюся похоть. Блудница не видѣла, что дѣлаетъ Іаковъ со своей лѣвой рукой и все только просила его сильнѣе и сильнѣе растеръ ей обнаженную грудь. Но вотъ указательный палецъ на лѣвой рукѣ Іакова уже сорвался и отвалился. Когда, наконецъ, блудница увидѣла это, то пришла въ ужасъ и со словами раскаянія бросилась къ ногамъ монаха и чистосердечно призналась ему въ шель своего пощевѣнія. Іаковъ на единичнѣ словомъ не упрекнулъ ее, и блудница ушла, смущенная и покаянная.

Между тѣмъ, слава о чудесахъ Іакова все росла и росла. Къ нему все больше и больше притягивали удивленны и большаго, и хотѣвъ итъ ещѣ больше отъ славы своего чудотворнаго дара. Но вдругъ Іаковъ сталъ болѣть, какъ бы не власть въ горло и тѣлѣ. И тайно ушелъ къ пещеры въ горы и поселился тамъ въ такомъ мѣстѣ, куда еще ни разу не заходилъ ни одинъ человекъ. И никто не зналъ, куда скрылся Іаковъ. Но вотъ однажды дочь очень богатыхъ родителей, князя и красавца не бывшаго блудницей, стала умолять своихъ родителей, чтобы они отпустили ее къ чудотворцу Іакову, ибо только онъ одинъ, онъ можетъ исцѣлить ее отъ такого недуга. Родители взяли дочь и пошли съ ней по рѣчкѣ къ монастырямъ и пустынямъ отыскивать Іакова. Долго ходили они, и никто не могъ указать имъ куда скрылся Іаковъ. Наконецъ, случайно нашла онъ Іакова въ горахъ и стала умолять его, чтобы онъ исцѣлитъ нѣзъ дочь. Іаковъ помыслился, возложилъ руки на голову больной дѣвушкѣ, и та выздоровѣла. Но родителями боялись, какъ бы нечестивъ духъ снова не вселился въ нѣзъ дочь и упростили Іакова оставить дочь у себя въ пещерѣ, хотя бы на три дня. Іаковъ согласился, и въ первую же ночь, потерявъ нѣзъ собой волю и забывъ Бога, занаселовалъ дѣвушкѣ. Совершивъ этотъ грѣхъ, Іаковъ испутился какъ бы дѣвушка не рассказала обо всемъ своимъ родителямъ, и убѣдилъ ее, а тѣло ее бросилъ въ глубокое мѣсто руды. И тотчасъ же послѣ совершения этого убійства вдругъ почувствовалъ, что потерялъ безвѣрочно чудотворный даръ исцѣлять удивленны и большаго. Мало этого: Іаковъ потерялъ и способность молиться. И грѣховная злодѣянія овладѣли его душою и тѣломъ. Его преслѣдовали мечты о красавицѣ, выхлѣ женщанахъ. Эти мечты жгли огнемъ его кровь. Іаковъ бросилъ пещеру и рѣшилъ идти въ горы, чтобы продать съ тамъ порочной жизни. Но, отклонившись большой горѣ, онъ заблудился въ пустынь и, размыкая путь случайно встрѣтился съ однимъ отшельникомъ, котораго въ порывѣ раскаянія и пощевѣлъ все о совершенномъ имъ преступленіи и своемъ грѣховномъ помыслѣхъ. И овладѣвъ Іаковомъ глубокое упитие и глубокая скорбь. Отшельникъ поощевѣвалъ ему не предаваться отчаянію, а пощевѣтны и молитвой искупить свой грѣхъ. Іаковъ долго бродилъ въ пустынь, пока, наконецъ, не натолкнулся на пещеру, наполненную костями давно сгинувшихъ жертвовавшихъ—проказенныхъ, Іаковъ поселился въ этой пещерѣ и прожилъ въ ней до самой смерти, проводя дни и ночи въ молитвѣхъ и пощевѣхъ.

Это древне-христіанское сказаніе и послужило Л. Н. Толстому источникомъ для его новой повѣсти „Отецъ Сергій“. Великій писатель земли русской призналъ этому сказанію общее человѣческой характеръ и перенесъ дѣйствіе въ условіе современной жизни.

(Т)

Предполагавшееся заточение Льва Толстого в монастырь.

Известный историк нашего религиозного разномыслия, издающийся

знаток русского сектанства, А. С. Пругавкин, выпустил на днях в издании „Посредник“ очень интересную брошюру, под названием: „Предполагавшееся заточение графа Льва Николаевича Толстого в Суздальский монастырь“.

Слухи о том, что Льву Николаевичу в 80 годах грозно заточение в монастырь, ходили уже давно. Но только теперь впервые представляется возможность документально установить всю историю этого адского замысла, который увенчался-бы успехом, если-бы не благородное решение Императора Александра III.

Для своей брошюры А. С. Пругавкин воспользовался, главным образом, воспоминаниями покойной камер-фрейлины Высочайшего Двора графини Александры Андреевны Толстой, родной тетки великого писателя.

Гонения, предпринятые против Льва Николаевича в 1886 году, заслуживают особенного внимания именно теперь, накануне юбилея Льва Николаевича.

По мнению графини Александры Андреевны Толстой, тучи, которые скопились над головою Льва Николаевича, были вызваны газетными нападениями на него, газетной травлей московских журналистов. Каким именно—не трудно, конечно, догадаться.

„До меня,—пишет графиня А. А.,—стало доходить петербургские слухи, что министр внутренних дел, граф Дмитрий Андреевич Толстой, по неужению московских публицистов, проектирует для Льва Николаевича заточение в Суздальский монастырь, без права писать, т. е. ему стали бы отлучать бумагу в ограниченном размере, при том непреклонном условии, что новое количество он будет получать лишь по возвращении (исплативши) того, что было отлучено ему ранее“.

Поразженная, потрясенная подобными злобными слухами и толками графиня Александра Андреевна решила взять сама из министру, чтобы лично от него узнать все.

„Я застала его дома,—рассказывает графиня,—и в большом, по-видимому, недоумении. Таким, во крайней мере, несомненною он мне представился“.

— Право, не знаю, на что решиться,—сказал граф Д. А. Толстой Александры Андреевны.—Прочтите вот эти два доклада на Льва Толстого... Первые, полученные мною, я позволю подслушать, но не могу в это эту историю скрывать от Государя...—

— Разумеется, жгёт,—отвечала графиня,—но вы должны знать, что Государя очень любит Льва, et probablement que cela adoucirait ses impressions.

„И вот,—говорит графиня,—когда я узнала и увидела, какой опасности может подвергнуться Лев Николаевич от доклада Дмитрия Андреевича Государю и что этого доклада будет сделано на-декаль, я решила употребить все свое влияние, чтобы его спасти. Я написала Государю, что мне очень нужно его видеть и просила назначить мне для этого время. Представьте мое радость, когда я вдруг получила ответ, что в тот же день Государь зайдет ко мне сам“.

Я была сильно изволонана, ожидая его посещения и мысленно просила Бога помочь мне. Наконец, Государь вошел. Я заметила, что лицо его утомлено и он был чинно расстроен. Но это не изменило моего настроения и лишь привело меня к большому сожалению. На вопрос Государя, что мне сказать, ему, я отвечала право:

— На-декаль вам будет сделать доклад о заточении в монастырь самого гениального человека в России.

Лицо Государя мгновенно изменилось: оно стало строгим и глубоко впечатленным.

— Толстого?—коротко спросил он.

— Вы угадали, Государь,—отвечала я.

— Значит, он собирается на мою землю?—спросил Государь.

„Я жмурилась, но внутренне была обрадована: я подумала, что только одно это (преступление) могло-бы склонить Государя к утверждению доклада Дмитрия Андреевича“.

Я рассказала Государю подробно все, что узнала от Дмитрия Андреевича о видях Льва, и видях, к величайшей моей радости, что его лицо принимало все более и более свое обычное, кроткое и чрезвычайное пасмурное выражение. Вскоре же Государь встал, чтобы уйти. Я позволила себе при прощании сказать лишь одно,—что не на графа Дмитрия Андреевича, конечно, обрушатся всеобщее, в России и за границей негодование в случае утверждения его доклада.

Через два дня я узнала, что Государь презошел все мои ожидания, и его доброта и мудрость разрешила вопрос совершенно иным образом. Прослушав доклад Дмитрия Андреевича о случившемся и о сильном будто бы возбуждении публики, Государь, отделив от себя доклад, ответил буквально следующее:

— Прошу вас Толстого не трогать. Я несколько не намерен сидеть из него мученика и обратять на себя всеобщее негодование. Если он виноват, тем же хуже для него.

Я узнала тогда же, что Дмитрий Андреевич вернулся из Гатчиним изображая из себя, по его словам, „полный счастливого человека“, так как в случае утверждения его доклада и на него, конечно, было-бы не мало нареканий. Он это хорошо понимал и довольно искусно играл роль счастливого“.

(Р. У.)

Мать Левой Толстого.

Однажды мать близилась к дому Л. Н. Толстого, чувствуя что возвратившись из Новой Псковны, пережить это великое известие из области чувствительности себя хорошо, хотя выслушала несколько утомляющих. Она с удивленной озабоченностью сидела часа два на работе, планировала частью которой является старое любимейшим изданием Л. Н. — «защитные» составление «Кружок» «Кружок». Утром она садится за работу и до 3-4 ч. не выходит из кабинета. На предостережение ее друзей своему всемирному известному Льву Николаевичу, отказавшись теперь с больше позитивным доброжелательством, как бы говорила: «Пусть поступают, лишь бы меня не трогали», хотя признавала им, против несправедливости.

Апрель 20го Июля 1908

Только что переучившись из Новой Псковны профессор В. Булгаков сообщает, что доктор Л. Н. Толстого преграды. Желание и мощью влечь от немалой фигуры мистического старца, и всеобщий бедствием мучить его рбн. Только раз из слов из бойки с утра Л. Н. прозвучала такая фраза: «Я теперь устал и сил мне хватает»...

А. В. 20го Июля 1908

Л. Н. Толстой и шахматы.

«Быть можно дилемма человек и думать о красоте шахмат».

Можно быть величайшим художником, поэтом, мудрецом, опирающимся на свои блага, и все-таки увлечься игрой в шахматы.

Родная сестра Софья Андреевна Толстая свидетельствует в «Новом Времени» свое впечатление: «Красивый, умный, и даже пронырливый, часто играл в шахматы со Львом Николаевичем».

Лев Николаевич играл очень своеобразно, как он играл и все шахматы. Его игра носила особый оттенок. Он играл всегда, жаждал, с удовольствием.

Место от доски постепенно идет на доску игру.

— Ватсон мой! что я сказал, — говорит она, когда присутствую свидетелем партии и вхожу со стороны.

Доставляет большое удовольствие играть с ним. Как-то особенно сосредоточенно и рассудительно себя.

Когда Лев Николаевич извлекается, он кладет выиграть в левый стол, играть с ним, карма, и потому берет отсюда мелом для выиграть.

А. В. 20го Июля 1908

Общество Лью Толстого.

Ввиду нежелания Толстого, чтобы состоялось его 50-летие, комитет почта и бюро печати считают долгом прекратить свою деятельность. Члены бывшего комитета почта уговорились в заседании 27 марта основать «Общество Лью Толстого», в которое они все входят членами-учредителями. Решено немедленно разработать, согласно закону 4 марта 1906 года, и представить для вышестоящего утверждения устав, созданный на общих чертах с существующими уже гетевскими, дантовскими, пушкинскими и шекспировскими обществами. Главная цель общества — увековечить имя Толстого путем устройства музея, собрания и разработки материалов его жизни и деятельности и т. д.

Апрель 20го Июля 1908

Общественность и личность.

В лекции о Лью Толстой профессор философского университета, профессор классической философии Фаулер Фридрих Бондигер, изложил очень интересный материал «О личности».

Он, вероятно, не только красавец.

О ней можно сказать то же, что говорил Лев Толстой об известной Карле: «Я читал эту историю и думаю в она изумительна. Среди же больше всего редкого и необычного различия в смысле развития личности жизни. И вот, кажется, что это очень хорошая рекомендация».

Апрель 21го Июля 1908

Фот.

Разговаривая, что в Лью Толстой фотографировать в Л. Н. Толстой.

— Трудно ли делать фото? — Нет, не потому. Однажды фотографировался профессор, а другой из таких снимков, а потому кажется, фотографировать и другой, в первом из снимков.

Сказано, что фотографировать с большим удовольствием, хотя сами от этого больше не будут.

Теперь, следовательно, вероятно и с фотографическим аппаратом.

ИЮНЬ 1908

Апрель 21го Июля 1908

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОИНСЬ.

В. Булгаков, «столько что вернувшись из Иранской войны», сообщает из «Р. Виз.» несколько статей и с Л. Н. Толстым, писавших поодиночке.

«Дорогой Л. Н., если судить по его привычному стилю, заключится из произведения, состоящих: измысла и мысли итеть от высокой фигуры великого старца; по желанию бодрости проинтервью и его рывки. Только отсюда из тобою беседы с усть Л. Н. содеяны фразы:

— Я теперь устал и забыл!

Она знает новой переработкой своего «Круга чтения», значение которого должно прийти быть строгий, систематический вид. Л. Н. считает действительное «Круга чтения», особенно в этой, еще неоконченной по редакции, думая воспроизвести его своего воспроизведения.

— Не делайте раз, переделайте и одно и то же! — говорил ей Л. Н. — Писать-делают строго-отказаны из своей работы и соблюдать из ней своего рода правоудие... Это, вероятно, будет уже моя последняя работа, — добавил он.

Серьезные письма, по мнению Л. Н., опираются на своем опыте, следовательно критически и остроумно.

— Выше так много писателей, — говорил Л. Н. — какой может быть писателем? Вот и упрям, что среди поэтов, которую только что арестован, непременно есть писательство отсюда писателями писателями. Они просят из прочесть, написать... Но как правоудие право соблюдать, так и из литература садится писательством даже тогда, когда это становится необходимым. По моему мнению, писатель должен быть то, что не было до него писателя или писательство. Как написать писателя? Это было «Духом»... И вот, когда и писал «Духом», то мне представлялось, что до меня никто еще так не почувствовал и не изображал всю правду и всю жизнь. Даже писатели, которые той жизни, кото-

рую помыслить вокруг против Л. Н. из связи с подготовленным материалом, его книга. На разе с упрямом и бывшем Л. Н. Толстым получает также выражения искренней любви и сочувствия и так откровенно о них:

— Конечно, это сочувствие очень приятно, — он... у меня из волнений... и ведь составлял себя мыслям, которыми транзитом себя каждый день... Так же, так и говорю: «радуйся, когда тебя ругают!» Радуйся, потому, что эта ругань, право, показывает тебе нутра своего себе, заставляет из себя само осредоточиться...

Сильно изумляло Лиза Вильямовна получено из при ней «спаско от одного из его последователей, Молчановых, представляющих петербургских окружных судьях из откровенности за распространение фразы Толстого.

Особенности, за последние время случаи приключились к суду «толстовцев» участились. Известь «Федок Сергий» писателя Лизы Вильямовны, уже около месяца жить, тому назад.

На праздниках Лизу Вильму посетили сын Л. Н., писатель Л. А. Толстой, писатель Гольдштейн и другие гости. Но так давно уехали оттуда Т. С. Петров.

Руса 22го Авг. 1908

Толстой.

— Как вы представляете себе содержание работы Толстого? — спросил Василий Чеземель и задумался.

— Мы, — сказал англичанин, — хотели устроить ряд традиционных толстовских митингов и когда отменили Толстого по цене доступной даже беднякам.

— А вы? — обратился Василий Чеземель к французу.

— Мы, — ответил англичанин, — собираемся устроить ряд традиционных факельных и создать фойер для изучения произведений и теории Толстого.

— А вы? — спросил Василий Чеземель француза.

— Мы, — сказал француз, — хотим почтить память Толстого шествиями по улицам и послать ему адрес с десятками тысяч подписей.

— А вы? — обратился Василий Чеземель к американцу.

— Мы, — сказал американец, — хотим отдать салют Толстого из чистого золота и назвать его именем город.

— А вы? — обратился из Василий Чеземель к англичанину, французу, немцу и американцу.

— Мы? — сказал Василий Чеземель. — Мы хотим сделать традиционный ряд процессов против распространения сочинений Толстого...

Враг. Азия.

Руса 24го Авг. 1908

ПЕЧАТЬ.

Во то время, как кругом толкуют о серьезных религиозных вопросах, «Колосок», орган нашего союза, совершает ошибку.

Новый религия у нас есть и не может быть. То же, что происходило в Мировой, Роданов, Петров, общинный проект Достоевский, славил так же Л. Толстой, то новый религия назывался то может.

Для религиозной революции у нас есть великая духовная битва. Мы чего-то не знаем, чего-то не знаем, думаем о ней, но что именно и сами не знаем. Религиозная революция в Англии совершалась из патристическую церковь, из Соединенности А. Штутгарта — из протестантской церкви. Голландия — из южной веры в католичество, а из что же будет, открыться наша религиозная революция? Новая религия должна учинить явиться из совершенно бесспорных учений. Пока она не учинит, не оформилась и совершенно неясна.

Если духовные вопросы простуты и прояснятся этими руководителями указаниями, то они кобнут, конечно, что и вперед житье право с нами же учителями починать из завраж.

Руса 24го Авг. 1908

— Событиями 7-го мая чрезвычайному высшему управлению велено сформировать комитет расследовать вопросы о предоставлении из земских доходов 80-тысячного пособия Л. Н. Толстому; с этой целью велено учредить в 1908—1909 учебном году: «за открытие новых и расширить существующие; об учреждении из убогих учащихся воспитательств в Омске; финансовый отчет о расходах велено дать на Самой в др.

Руса. Суд. 24го Авг. 1908

— А въ свободной страницѣ, — говоритъ она, — я этого вопроса размышляю.

И промолвить какой-нибудь толкъ или «бруга чтенія», тщетною сохранила по толку самій экстрактъ книги, изъ и изъ сакталогическаго особености.

Какая-то женщина изъ Новой Польши гурчала боская вь замолвности глба, поведомств, вьзвездѣ. Я. Н., сдана дьявольскъ и заливаетъ руку за дьяволъ бугамъ, прасудившись изъ босбѣ, за-тѣтъ, удучивъ лагу, сканать:

— На-дняхъ изъ «бруга чтенія» была разубавля и этого вопроса: «Чтоъ по-завѣтъ болше изъ истинъ, тѣтъ она пер-тѣтъ. Завѣтъ, сама дьявольскъ глба, но уже сканать поведомствъ, что по-завѣтъ изъ круга истины. А тогда чего же ему и поведомствъ, что дьяволъ изъ истины. Итъ, истина вьсѣтъ истина. Не станете же вы поведомствъ, если и пачку утверждать, что $2 \times 2 = 8$.

И такъ изъ «бруга чтенія» оперируетъ поведомствомъ въ красноречивыхъ вопросахъ истины, а такъ въ вопросахъ всего истинно, и въ сѣмъ ведуть или въ Римъ, или въ Галлею, то, дьявольскъ, что вь истинѣ истинной вопроса, поведомствомъ изъ Новой Польши и переказываемой изъ духовнаго вѣтъ, почти истина истины и правдивую расказку въ какой-нибудь страницѣ «бруга чтенія». Это особенно радуетъ Лиза Николаевна.

И она продолжаетъ каждый день что-нибудь переписывать изъ своей души для свободной истинной истины.

СТАРЫЙ ПИСАТЕЛЬ.

Апрѣльскаго 24-го Авг. 1888

Въ теченіи послѣднихъ дней об-
сказа въ Л. Н. Толстого два раза было
обсуждено составленіе на вечеръ похоронъ
время; послѣдній обзоръ былъ выво-
домъ 12-го апрѣля. Въ току этихъ мнѣ-
ній, по желанію супруга Л. Н. графиня
София Андреевна Толстая и ея сестры,
были приглашены 21-го апрѣля врачи
В. А. Щуровскій и Д. В. Никитинъ,
которые пришли на обзоръ составленія
друзья Л. Н. уполномоченными, на
исключительно хвоторическія рекомендаціи
къ дѣятельности медицинско-санитарнаго
възгляда. Прочтены обзоръ, по
желанію врачей, лежать въ распоряженіи
отъ указанной работы. Рекомендова-
ны упрощенное дѣленіе и соотвѣ-
ствующій рѣшеніе.

7.б. 24-го апр. 1908

Составленіе завѣщанія Л. Н. Толстого.
«Русск. Вѣд.» сообщаютъ, что по при-
глаженію графини С. А. Толстой, 21-го
апрѣля въ домъ Николаевскому было пригото-
влено завѣщаніе Никитинъ и Щуровъ по по-
воду обзоровъ, послѣдній изъ которыхъ
былъ со Л. Н. писателемъ Назаръ. Прозвѣ-
стовать завѣщанія Л. Н. въ обзорѣ желало
уполномоченными: прочтены обзоръ
краткими переуступками отъ указанной
работы и предложены упрощенное
дѣленіе и соотвѣствующій рѣшеніе.

7.б. 25-го апр. 1908

7.б. 25-го апр. 1908

Въ литературную рѣчь.

Читатель теперь и въ старину.
«Какъ посмотрѣть на похоронныя отъ
выпавшей и отъ мануальной—также пред-
аніе, а вѣрнее съ друзьями...»
Какъ читатель знаетъ и какъ читатель
вспомнитъ.
«Видно» Андреева въ пѣсенникѣ семьи
преданы горестивому агро-дѣ-фа.
«Въ тукавіи» послѣднее страстный протоколъ
графини Толстой. Отъ «Людъ» и «Свѣдѣній»,
заблудившіе матери старательно спасаютъ

подробно—зрѣть сѣвномъ. «Самыя» и мануаль-
рѣчь изомъ въ журналѣ, съ отъ пере-
данныхъ,—требуемыхъ прощанія пред-
анія.

Талантъ писателя и читателя. Тенора. А
вотъ что было еще не такъ давно.
«Въ послѣдней книгѣтѣ» систематическаго
«Воскресенія Востока» Е. Лебедева расказа-
вается о томъ, какъ въ свое время (1879
—1880 г.г.) читались «Братья Карако-
зы».

Лебедева была участникомъ вечера, по-
близости тогда балетмейстера Н. К. Ле-
бедева-Маркова.

«Въ вечерникахъ» не бывало никто изъ
друзей той времени. Кружка весьма
популярно литературнаго характера. Когда на
вечерѣ такъ собралась компания, по
желанію извѣстнаго извѣстнаго писателя,
интереснаго собесѣдника, остроумнаго шутика,
нѣтъ сомнѣнія въ предположеніи читать и слы-
шать не въ одномъ обзорѣ обзорѣ.

Въ дни, когда выходящая изъ печати
«Русская Вѣдомость» съ редакціей Достоев-
скаго «Братья Каракозы», не была на об-
щественномъ собраніи, все услаждалось
у стола съ большой лажной подл. золотой
обжуретъ—и начиналось читать чтецы.
Мы читали всѣ, по очереди, по старинному,
до послѣдней страницы. Лежа бѣлѣвшаго и
загорѣлаго восторженія, гласно чтеца прочесть
отъ вѣнчанія. Когда чтеца кончался, на о
вѣнч. грѣбъ прочтѣвшаго, не говоря, об-
суждалась каждая дѣлѣтѣе дѣлѣтѣе германъ
романа, удавалось предположенія а дальнѣй-
шесть его развитія.

Тотъ вечеръ, когда романъ обрывается на
Вислѣтъ Дмитрия въ садъ сада и сто жесто-
кой расправѣ съ Грингеріемъ, остался на-
всегда у меня въ памяти. Мы всѣ чувство-
вали и знали, что убійство старика Кара-
козына должно было совершиться въ эту
ночь. Но кто же убилъ его? — Свѣдѣнія
или Дмитрия? Соблазна покач чтеца мануаль-
на жестокой сторы.

Часы для насъ были не существовали, а
красивою, не обманчиво, ужестъ не-
те и думать не хотѣлъ. Въ страню ману-
альной небольшой гестивай мѣлѣтъ гласно
разрѣженныя, утомленныя. Было ономъ ча-
сомъ утра, когда имъ развѣнчанъ успали, по-
близости, старинныи садомъ мѣлѣтъ пред-
анія спортивать дутова. Я прѣтѣла вѣ-
ной съ головой и сердцемъ до того перепа-
вшаго только что пережитыи чтеца
и слышалъ, что о сѣбъ нечего было и думать.
Всѣ, слѣдующій за бѣлѣвшой ночью день,

**ТЕЛЕФОНЪ
„Биржевыхъ Вѣдомостей“.**

МОСКВА. 04-ое апрѣля.

О болѣзни Л. Н. Толстого.

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» напечатана
содержащая содержаніе заметки: «Въ теченіи
послѣднихъ дней жизни» въ Л. Н.
Толстого была два обзоръ. Первый былъ
выведенъ въ вечерѣмъ 12-го апрѣля. Въ по-
воду этихъ мнѣній, по желанію супруга,
София Андреевна и ея сестры были при-
глашены 21-го апрѣля врачи Щуровъ и
Никитинъ, которые пришли въ обзоръ со-
ставленія Л. Н. уполномоченными, на
исключительно хвоторическія рекомендаціи
къ дѣятельности медицинско-санитарнаго
възгляда. Прочтены обзоръ, по
желанію врачей, лежать въ распоряженіи
отъ указанной работы. Рекомендова-
ны упрощенное дѣленіе и соотвѣ-
ствующій рѣшеніе.

7.б. 24-го апр. 1908

→ Въ сѣб. окружной судъ поступило
дѣло объ издателѣ. Великаго собранія
сочиненій графа Л. Н. Толстого, именен-
наго за границей—Е. В. Германъ: по
обвиненію его по 73 и 74 ст. у.г. уполн.
за помѣщеніе въ т. III названнаго соче-
нанія статьи гр. Л. Н. Толстого подъ за-
главіемъ: „Первыи и государство“. Въ
статьѣ этой усмотрѣно помѣщеніе суще-
ствующей христіанской вѣры и въ чис-
лости помѣщено описаніе записки и
танкетра евангелія. Дѣло это будетъ слу-
шаться при закрытыхъ дверяхъ по IX
статьѣ уголовнаго судисловія.

7.б. 24-го апр. 1908

на донесеніи, доно и по убитіи я притомленна-
за отравленіи спору.

Потомъ была такъ слышно, что жить
цѣлой цѣлою до выхода отравленной явилася
было невозможно. Теперь все кажется
невозможнымъ и достигнута: пожелать не
владеются притомъ публикою въ гласъ
съ Леономъ Толстымъ, сѣла отразилась
въ неперехватной газетной статьѣ ирреверсив-
наго, ирреверсивнаго мысля цѣлой жизни.
Въ наше время дайте до рѣшенія, обра-
тятся на развѣдочнаго мучающаго ирревер-
сивнаго къ своему автору «Вотъ такъ Ка-
рамзинъ» была по логикѣ. Мы считали
большинство любящихъ писателей за учителей,
заботиться изъ были для насъ слыть. Слыть
идти къ Достоевскому я ирреверсивна-
за только неслыханной науки, дословенной
въ интересъ жизни, науки отъ невозмож-
ности рѣшить, кто убійца Карамзина: Де-
мтрий, или Свердловъ? Проклята еще цѣлая
ночь безъ сна, сонливъ болванъ и развѣ-
данъ, я, наконецъ, рѣшилась.

Писала же къ Достоевскому была коротко.
Я рассказывала о чтеніи его романа въ ка-
комъ кругу, о спорѣ и невозможности
чѣмъ-нибудь зайти, отънять мысль отъ
рѣшенія вопроса, кто убійца старика Ка-
рамзина. Я почти не надѣюсь на отбѣтъ и
нашему изъ письма не сказала, что написала
Достоевскому. Черезъ день я получила
отвѣтное письмо отъ Федора Михайловича,
письмо длинное, все подробно разъясненное,
такъ похоже на его манеру писать. Послѣ-
дній параграфъ прежде всего благодаритъ ме-
ня за глубочайшій интересъ къ его роману, за-
дѣрно поздравитъ славу убійства старика Ка-
рамзина Свердловомъ, я, не отгадавъ, что
читатель или пренебрежъ за убійцу Де-
мтрия, все же въ концѣ письма прибавила: «для
писателя, крайній интересъ къ его произведе-
нію, важно, чтобы читатель и неслыханно по-
нималъ истинное дѣйствіе истинно въ про-
изведеніи книгъ». Словами мнѣ помнится,
какимъ утвердить за дѣятели во мнѣ, лич-
но я объяснила въ убійствѣ Свердловомъ, по
упреку Достоевского указавши мнѣ на се-
бя, сиречь Свердловымъ. Читателю, не столь
сроднившимся со всѣми этими романами,
какъ самъ авторъ, въ данномъ случаѣ воз-
можно было выискаться на основании мнѣ-
шихъ данныхъ въ характерѣ Де-мтрия Ка-
рамзина. Когда я получила письмо Достоев-
скому изъ каковаго круга, не забываю
какой сѣбѣ, я же берегла письмо, какъ
святину».

В. В. 25го Авг. 1908

Комитетомъ по дѣламъ печати возбу-
дены вопросы о причисленіи къ отвѣтственности
А. Дунаевского по 128 и 1 в. 129
ст. ст. у. за статью «Въ характеристичѣйшій те-
кущий моментъ» въ французскій «Вѣстникъ обо-
роны», выпускъ 1-й, и редактора глас. «Русь» по
1218 ст. у. зак. о кав. за печатаніе коммента-
рій въ сравненіи съ № 85 газеты по поводу
статьи «Въ честь Л. Н. Толстого отъ интелли-
генціи».

Русь 26го Авг. 1908

Лев Толстой о Думь.

Въ „Нашихъ Времени“ съобщена г-р. Л. Н. Толстого зародилъ любопытный отзывъ великаго писателя о Государственной Думѣ:

Я спросилъ Льва Николаевича, какого эта дѣйствіе о трехъ Думъ.

— Ничего не вышло изъ этого, — сказалъ онъ, — Думъ — дорога вглубь. Цѣль у Думъ не была, а зародилъ она по пути. Она разрабатываетъ зародки. Можешь даже сказать такъ: „У Думъ земля проросла, что у насъ есть“.

Интересно знать, насколько эти казённые учреждения въ Думѣ, вообще, эти органы государственности, и особенно въ трехней Думѣ?

Русь 26 Aug. 1908

„Carthago delenda est.“^(4*)

(Сокращеніе).

Прошло много лѣтъ со времени Катона. Карфагенъ продолжаетъ процвѣтать и упрочиваться въ своемъ лагосоніи, ругній и жестокости.

Но, вотъ, на землѣ нашей современной жизни, представляющей „заколдованный кругъ гнетущей насъ пошлости, скуки и лжи“, вырастаютъ могучій колоссъ мысли и нравственности, новый Катонъ — Л. Н. Толстой, который своимъ могучимъ голосомъ порока напоминаетъ намъ эти старія, но примѣнительно къ современной жизни новыя слова о разрушеніи Карфагена.

Съ искусствомъ опытнаго хирурга онъ расчленяетъ всѣ человѣческія отношенія, снимая верхній покровъ, скрывающій актъ уродливости, всѣ виды порочной цивилизаціи, давая обществу понять, поучаствовать, во что оно вѣрится, чему поклоняется.

Въ періодъ его обвинительной дѣятельности, главнымъ образомъ въ періодъ разъясненія имъ сущности христіанскаго мировоззрѣнія, его личнаго примѣра, онъ успѣваетъ создать не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ мірѣ глубокое по смыслу и цѣль движеніе, отражаетъ свое вліяніе на разныхъ теченія мысли и нравственности, поднимаетъ въ массахъ протестующій духъ противъ всякаго насилія, духъ не навѣянный какими быбуль возбуждающими и подталкивающими вѣнскими силами, а выросшій и укрѣпившійся въ глубинѣ челоуѣческаго существа путемъ самоопредѣленія и самопониманія.

Онъ указываетъ на божественность челоуѣческой природы, вноситъ единственный исключительный методъ воспитанія челоуѣка — методъ „хорошо направленной свободы“.

Его проповѣдь воспитанія — стройная, строго обоснованная философско-педагогическая теорія, основанная на „полномъ уваженіи къ индивидуальности ребенка“.

Еще въ 50 годъ онъ въ своей чудной трилогіи „Дѣтство, отрочество и юность“, раскрываетъ предъ читателемъ прекрасный міръ дѣтской души „на чудномъ языкѣ нѣжности, ласки и красоты“ онъ сообщаетъ о тѣхъ „кого есть царство небесное“.

⁴⁾ Карфагенъ долженъ былъ разрушенъ, смотри № 456.

→ Комитетомъ по дѣламъ школы возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности А. Аунча, сынаго по 128 и 1 п. 129 ст. угод. улож. за его статью „На Характеристикѣхъ текущаго момента“ въ бюллетенѣ „Новой школы“, выпущенъ 1-й и редактора газеты „Русь“ по 1218 ст. улож. о нак. за замечательнаго комментарія къ орогосреденію въ № 85 газеты по поводу статьи: „Къ отзыву Л. Н. Толстого объ частновольнѣ“.

Собраніе, Свѣтъ 26 Aug. 1908

Въ 60-е годъ, подобно знаменитымъ реформаторамъ педагогической мысли: Монтеню, Э. Кей, Руссо и др. онъ выступаетъ какъ обвинитель губительной „системы“ школы и назъ педагоговъ выступать на крахитическую почву.

Предъ нами его колоссальный трудъ — его Яснополянская школа, имѣющая богатый запасъ опыта, огромное общественное значеніе, такъ какъ въ дальнѣйшемъ, положенная въ ее основу жана свободнаго воспитанія, нашии себя почу и послужила толчкомъ къ реформѣ, какъ мы и увидимъ, не только современной, господствующей у насъ школы, но и съ нами съ этимъ и самой жаны.

Въ статьѣ своей: „Педагогическія воспоминанія г-р. Л. Н. Толстого“, Голаневъ говоритъ: „...Въ эпоху, когда все стремилось замаскироваться: крестьяннѣ отъ власти помещика, женщина отъ семейной кабалы, гражданинъ отъ тяжести различныхъ тяготъ, малагомыхъ на него государствомъ...“

Толстой одинъ изъ первыхъ выступилъ за маленькаго челоуѣка, личность котораго приносилась въ жертву „системѣ“, и потребовалъ кореннаго пересмотра педагогической теоріи и практикы“.

Проповѣдь Л. Н. о свободномъ воспитаніи не осталась „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“.

Она нашла откликъ въ тѣхъ, кто „жить, думать и любить“, въ комъ исканіе правды жизни является также же запросомъ, какъ воздухъ и пища.

Но въ то время какъ Л. Н., ведетъ свою воспитательно-педагогическую работу съ дѣтьми въ зародкахъ успешнаго трудовой жизни, гдѣ отсутствуютъ рѣзкіе разграниченія классовъ города, снѣжъ людей труда и асволоможныхъ лишений и друзей — презрѣныхъ, инаущихъ за счетъ первыхъ, въ городѣ практика свободнаго воспитанія показала тщетность и бесплодность подобной попытки, безъ того, чтобы не затронуть самой жизни въ самомъ корнѣ.

На самомъ дѣлѣ, если я хочу, чтобы царствовала правда, трудъ и единеніе, то я усилюмъ волю, разумъ и нравственную чистоту должны участвовать въ этомъ и не только въ выработкѣ соответствующаго этой правдѣ мировоззрѣнія, но и въ практическомъ осуществленіи его.

Съ другой стороны, нельзя въ школѣ заставить словами, книгами принять то, что диаметрально противоположно въ жизни. А жана въ этомъ построена вся наша система современнаго воспитанія и преподаванія.

Школа — только противоречие жизни. То, что нам навязывали в школе, превращается жизнью. Вводили в школу труд в виде рубашки и стачек, сами же не хотим пальцем шевельнуть, заставляем всю физическую работу выполнять за себя купленного наемного раба.

Говорили о долге, справедливости, о любви и в то же время являемся непосредственными участниками строя, который является сплошной гипнозией, протязаной не только христианскому, но и жеманскому духу. Таким образом сама практика показала, что реализация идей свободного воспитания и нравственных принципов не мыслима на почве современной жизни, сколько бы мы ни старались длатать в области науки, искусства, общественной надстройки.

Для реализации этих идей, идей свободного воспитания и нравственных принципов необходимо разрушение старого Карфагена в самом его основании; необходимы новые устои, свободные от политического общественного и классового или религиозного (в смысле догматического) влияния, лжи и лицемерия, праздности и туманности, необходима новая общественная почва.

За последние 2 десятилетия выросла под могучим влиянием геника движения, тенденции которого — сплести школу и жизнь, перенести и то и другое в деревню, в тесное и непосредственное сотрудничество с природой, сочетать или совместить умственный и физический труд и таким образом устранить пропасть, которая лежит между трудящимся и образованным обществом, и на этой почве творческого производительного труда, на пути искания новых вышших форм и отношений создавать совместную жизнь.

Таким образом последнюю часть своей жизни Л. Н. Толстой.

Этому же во свое время посвятили себя Песталоцци, Руссо.

Ньютона в своей бедной крестьянской семье занимался физическим трудом, и среди этой обстановки сложился его творческий талант.

Сократ был простым каменотесом.

Линней черпал знания в труд с отшель и впоследствии стался ботаником.

Заглядывая в глубь прошлого, мы найдем еще сотни умов, гигантских мысли и нравственности, черпавших силы в труд, в тесном общении с природой и единении с людьми.

На почве этого движения, несущего с собой освобождение духа, нравственный рост и возмещение личности, в соответствии с формами общества, выросли сьт свободных школ, интеллигентных поселков, „отселенцов“, земледельческих колоний, общины, „культурных одиночек“, ²⁰ в основе своей заключающих глубокий смысл, так ясно и коротко выраженный Руссо: „Первое из всех искусств, и свобода“.

Александр Развеев.

Новый Мир (Биографический отдел)
27 Авг. 1928*

III.

Через несколько дней во всех газетах на первом месте появилось объявление от газеты «Утро».

Оно начиналось примерно в таком виде и предлагало всем сотрудничать. Начать предлагал здесь необходимо той же газете. После этого маленьким истратовым стало:

Во газет не участвуют:

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ, ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ, ГОРЬКІЙ, АМФИТЕАТРОВЪ и ДОРОШЕВИЧЪ.

Благодаря призывам, приглашение получало такое, что газета именно в этот момент пазло изменила, и уже на одно это предложение могли ответить, как и раньше на свое.

Т. В. 27-го Авг. 1908 (по фактическому)

(Землемый, Давидович)

Честно говоря Л. Н. Толстой и Т. Г. Шевченко. В заседании ученической комиссии, состоявшемся состоялось во вторник 29 апреля, предполагены к обсуждению вопросы о честности городского школами Д. Н. Толстого и Т. Г. Шевченко.

Иванов 28-го Авг. 1908

Толстойские «Смерть Ивана Ильича» последовала вторично: какой-то досудей драматический изобретатель представил толстойскому обществу из трехактную драму.

Иванов, Москва 28-го Авг. 1908

Дело о статье гр. Л. Н. Толстого. В сам, саружий суд поступило для слушания дело об издании «всего собрания сочинений графа Л. Н. Толстого, изданных на русском» Е. В. Гердак, обжалованное на основании ст. III подзаконных сочинений статьи гр. Л. Н. Толстого над изданием «Переход и государство». Дело это будет слушаться при закрытых дверях.

Т. В. 25-го Авг. 1908

Во литературномъ мѣрѣ.

«Всему бываетъ конецъ».

Зоренья Дана Николаевна Толстая после большого периода борьбы встала на путь, что она подорожному усложняя работать и даже изменить свои любимые прогулки пешком. Последние несколько месяцев Л. Н. работала очень много и тяжело вынуждала работу, закончившая сформированной русской политической жизни, так ей назвали: «Всему бываетъ конецъ!» Взяла, остро переживаемая великий писательница таинственная женщина действительности, из особенных карьер, истинных истинности из послышавшейся ей учений, еще больше ударила сама Л. Н., и сь она из вчерашнее время потеряла власть первого, бывшего из концы формальности, второй. Сама Л. Н. отнесла, как передает «Русск. Слово», очень благоприятно кь своей борьбе.

Т. В. 28-го Авг. 1908

Толстойцы.

КАЗАНЬ, 28-го апреля. По инициативе гр. Л. Н. Толстого, из-даны съезд приехали один из почетателей графа съ целью изложить ученики о жизни музыкального общества «Общество Божьего голоса». Во главе съезда стоитъ г-жа Валентина. По инициативе основателя покаяния съезда изложить толстойцы.

Т. В. 28-го Авг. 1908

← 1 мая из г.д.д. Толстовского училища состоялось заседание прии-д.д. В. Н. Сперанского. Д. Ф. ознакомили ил. правление ил. литературно-художественных и: ознакомили Л. Н. Толстого. На часе до 11 в 8 час. Вечером проведено ил. торж. «Космос» (Мозоля, 75) и ил. ужином ил. г.д.д. Вечером (Пенков, 52) Вечером лекция на ту же тему о.б. А. П. Чехов. Вечером на 8 мая.

Рис. 1^а Мая 1908

Письмо Л. Н. Толстого.

Груша лиц, близкая к кругу «свободных христиан», обратилась к Л. Н. Толстому с коллективным письмом, в котором предлагается ему использовать предстоящий юбилей в целях освобождения ил. терем. ил. сданных за религиозны и политическ. преступления и возвращении на родину ил. эмигрантов. Автор письма ссылается при этом на известное заявление Л. Н. Толстого, что ему хотелось бы помочь «ил. несчастную восточную тюрьму».

Вот текст великого старца:
 «Хотя сойти язык очень хорош, но я никак не могу ил. воспользоваться, так как, с самого начала относил совершенно отрицательно кл. страшной клятвы моего юбилея, слав. неосвобожденного и моих изгнанных, и моих достоинств, и за правду себя поставил во выражать печаль ил. людей во случае этой клятвы.

Кроме того, я уверяю, что если бы я и заявил то желание, о котором вы пишете, то кля. никакого эффекта, чтобы оно было исполнено.

Лев Толстой.

30-ое марта 1908 г.

Т.Д. 1^а Мая 1908

Письмо Л. Н. Толстого.

Груша лиц, близкая к кругу «свободных христиан», обратилась к Л. Н. Толстому с коллективным письмом, в котором предлагается ему использовать предстоящий юбилей в целях освобождения ил. терем. ил. сданных за религиозны и политическ. преступления и возвращении на родину ил. эмигрантов. Автор письма ссылается при этом на известное заявление Л. Н. Толстого, что ему хотелось бы помочь «ил. несчастную восточную тюрьму».

Вот текст великого старца:
 «Хотя сойти язык очень хорош, но я никак не могу ил. воспользоваться, так как, с самого начала относил совершенно отрицательно кл. страшной клятвы моего юбилея, слав. неосвобожденного и моих изгнанных, и моих достоинств, и за правду себя поставил во выражать печаль ил. людей во случае этой клятвы.

Кроме того, я уверяю, что если бы я и заявил то желание, о котором вы пишете, то кля. никакого эффекта, чтобы оно было исполнено.

Лев Толстой.

Пенков. 2-ое Мая 1908

Письмо Л. Н. Толстого.

Груша лиц, близкая к кругу «свободных христиан», обратилась к Л. Н. Толстому с коллективным письмом, в котором предлагается ему использовать предстоящий юбилей в целях освобождения ил. терем. ил. сданных за религиозны и политическ. преступления и возвращении на родину ил. эмигрантов. Автор письма ссылается при этом на известное заявление Л. Н. Толстого, что ему хотелось бы помочь «ил. несчастную восточную тюрьму».

Вот текст великого старца:
 «Хотя сойти язык очень хорош, но я никак не могу ил. воспользоваться, так как, с самого начала относил совершенно отрицательно кл. страшной клятвы моего юбилея, слав. неосвобожденного и моих изгнанных, и моих достоинств, и за правду себя поставил во выражать печаль ил. людей во случае этой клятвы.

Кроме того, я уверяю, что если бы я и заявил то желание, о котором вы пишете, то кля. никакого эффекта, чтобы оно было исполнено.

Собрание 2^а Мая 1908

← 80-летний юбилей Л. Н. Толстого городская управа предлагает думь ознаменовать следующим образом: 1) учредить в учебном заведении столицы несколько стипендий, 2) открыть читальню и школу имени Л. Н. Толстого и 3) издать сборник избранных произведений великого писателя для учащихся городских школ.

Рис. 2^а Мая 1908

К юбилею Л. Н. Толстого. Городская управа обратила внимание и чествование графа Л. Н. Толстого во случае 80-летия со дня его рождения. Управа предлагает открыть школу и читальню имени Л. Н. Толстого, учредить несколько стипендий ил. учащихся заведовать, ил. для учащихся ил. чествования учредить сборник ил. произведений великого писателя, открыть читальню (библиотеку или музей) для избранных писателей столицы. Для дальнейшей разработки программы чествования управа предлагает думь избрать специальную комиссию.

Т.Д. 2^а Мая 1908

Давно из Германии, по инициативе Мейнгольда, Керен предложил организовать Итмарк для торговли и промышленности. Наполеон Керен выдвинул Итмарк для экономического развития, прежде чем начать эту программу романа фон-Шаллера «Крестьянство» («Bauerland»), тогда рекомендованного гр. Л. Н. Толстым.

Рязань, 3^е Мая 1908

Из Лондона „Русск. Сл.“ телеграфует, что членом организационного комитета по созданию 80-летнего «банка Л. Н. Толстого» избраны Итмарк, что великий поэт имеет адрес в почтамте почтмейстер. Из письма комитета организационный комитет имеет образцы журналов для изучения деятельности Итмарка и есть отсылкой Толстого.

Рязань, 5^е Мая 1908

От комитета представителей литературных и научных кружков при Спб. университете.

28 августа текущего года исполнителю 80-летию со дня рождения Льва Николаевича Толстого. Самый великий писатель выразил свое организационное отношение к торжественному празднованию своего юбилея. Указание к юбилею великого юбиляра заставило отказаться от предлагаемой юбилейной формы чествования. Но не может быть и речи о том, чтобы день 80-летия Льва Николаевича прошел незамеченным, как великий праздник творческого человеческого гения.

Инициативу по организации чествования Льва Николаевича Толстого в столицах выразили учебный комитет и члены на себя представителей литературных и научных кружков при С.-Петербургском университете и с этой целью избрали комитет.

Комитет принял за миссию: — изучить способы чествования в юбилей юбилею великого писателя было бы: 1) учреждение при С.-Петербургском университете библиотеки, в которой были бы собраны все произведения Льва Николаевича, так и по возможности вся литература, посвященная ему, и 2) издание литературы критического студенческого характера, по примеру Толстого.

Комитет обращается к студентам и ко всем лицам, причастным такой способу чествования великого писателя, с просьбой не отказать во своем добровольном комитете для выработки практического плана. Такой план мог бы явиться в форме программы в библиотеку студентов, прикладывая к нему Л. Н. Толстого, также книги и статьи о нем, со стороны их творческой студенческой организации. Статьи для предположения — в предположении.

Общую редакцию собрания составили привлечь на себя С. А. Венгеров, свое добровольное комитетом избраны: К. В. Анисимов, М. А. Рейснер, Р. В. Сиваркин.

Адрес комитета: С.-Петербург, Пушкинская ул., д. 19, кв. 12.

Свод. Мемор. 5^е Мая 1908

— На юбилей Л. Н. Толстого. Среди друзей критики, армянского из Петербурга, возникла мысль предпринять Л. Н. Толстому в день юбилея его имени адрес с поднесением всей душой России в котором будут упомянуты заслуги Толстого в деле просвещения народа в духе и смысле и освобождения от „рабства смертной души“. Кроме того, будут поднесены в подарок два барана или овцы друзьями критики. Исследование этих заслуг берет на себя художник Н. А. Богданов, сын великого писателя Л. Н. Толстого.

О составлении адреса Л. Н. Толстому и выражении оном удовольствия.

Рязань, 6^е Мая 1908

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦИЮ.

1.

Къ редактору «Международного Толстовского Альманаха» обратился русский и иностранец почитатель Л. Н. Толстого с запросом относительно судьбы альманаха — въ виду управления толстовских юбилейных комитетов.

Редакция альманаха сообщает, что альманах есть совершенно самостоятельное литературное издание, организованное по примеру с учрежденными юбилейными комитетами, и у редакции альманаха нет никаких оснований думать, что он временно будет прекращен тому, потому что она исключительно посвящает свой единственный труд.

Альманах посылает строгое требование всего мира и в конце августа, вероятно, выйдет из печати, адресованно во все культурные страны. И редакция альманаха — обращается с просьбой ко всем

друзьям и редакторам гр. Л. Н. Толстого, его сотрудникам по Кавказу и Севастополю, его сотрудникам по все-русской печати и во всеобщем смысле, представить интересным воспоминания о Л. Н. Николаевиче, или его письма, или статьи общественное значение, или документы, относящиеся к его деятельности, посылать с редакцией альманаха вышеназванные материалы и адресовать корреспонденцию до 1-го августа включительно по имя редактора альманаха: П. А. Сергеева. Киев, Николаев. гуд.

С. С. 6^е Мая 1908

Въ литературномъ ряду.

Международная статья «Толстой».

Л. Н. Толстой получил с собой статью письма с юбилейным адресом ст. Васильев — великого писателя. Другим путем про «Толстому» и писала редакция.

Угнетенно и давно пере. На социальном, стая на формальной точке, любой член

полезно на этой статье может свободно разорвать письмо на кусочки, стая, пока некая статья не будет занесена в юбилейный лист.

С. С. 6^е Мая 1908

Воспоминания А. Ф. Коки о Л. Н. Толстом.

Одна из давнишних друзей Л. Н. Толстого, сестра А. Ф. Коки, сбывала 6-го мая в квартире члена Государственного Совета, сенатора В. Ф. Турку, интересное сообщение о Л. Н. Толстом, знакомство с которым у А. Ф. началось чуть-ли не с университетской скамьи.

А. Ф. Коки посетил, между прочим, слушателей в аудитории, послушавших доклад об создании «Воскресения».

Г. Давыдов сообщает подробности декабря.

За этот год, когда А. Ф. гостил в Ясной Поляне, проводил много дней вместе с Л. Н. Толстым, между ними часто завязывался спор о том о чем и спорили в ту пору.

Вот как рассказывал его особенно заинтересовавший слушателей:

Когда А. Ф. был прокурором с-петербургского окружного суда, к нему, однажды, явился молодой человек с жалобой на товарища прокурора Случевского, обвинявшегося тогда тюрьмой в том, что Случевский отказался от передачи заключенного письма.

Возмущенный рассказом молодого человека заключил, что в своем письме просит руки у одной из заключенных, Розалии Оши, осужденной накануне за кражу 100 руб. у одного из посетителей дома терпимости, в котором на службе находился осужденный. Не проговорил он тюрьмой заключенно на 4 месяца. Сказал А. Ф. Коки ее обвинить и требовать ареста этого наказания, несмотря на прекрасную репутацию, характеромашанного Розалии Оши, как сестры общественного деятеля, как смелой, обаятельной женщины красавицы на всей гробовой скамье.

Известия молодой человек привнесла из одной из самых родовитых русских фамилий, окончив курс в училище правоведения и занимая видное место во департамент одного из министерств.

Отказавшись простому в кандидате, основываясь на то, что брак в тюрьмах невозможен, неприкрытым для администрации волнения иска заключенных, в которых водворены терпимости, в конце обычно участвуют арестанты, провозгласить такое заявление, А. Ф. Коки все же сильно заинтересовался этим случаем. В беседе с ним, уже не как прокурор, а как частное лицо, одобрил хотя подобный поступок, как старался его удержать от того, что ему придется разочароваться, что воспитывался в известности тогда во столицей верной «Машинки», Оши неспособна будет к честной жизни, говоря с тем, что она рано или поздно вернется к отцу, разве только при других условиях, давал ему читать дню, обязательной акта о Розалии Оши, утверждая получить серьезно об этом и т. д. Но молодой человек был непреклонен.

Все равно для меня; тоту жениться на ней—горючить себя.

Во время отбывания дней к А. Ф. Коки являлись разные дамы, высокопоставленные лица и все хвастали о разговорах молодому человеку кончили во Розалии Оши.

На досуде А. Ф. Коки, что осужденная,

как проститутка, после замужества должна будет, в виду исключительного социального положения, быть переведена на привилегированное положение, что по закону, после суда, воспрещается, привеле же тому, что малый конна согласился ждать 4 месяца, получить, однако, разрешение на частый свидания с Розалией Оши. Последний было одувано письменное предложение и она согласилась съездить вместе.

В дом первого свидания женщина с матерью, послышав заключилась в квартиру и спрешившая с причинами, послышавших к выказанию ее, она заявила жену:

«Сравним словами наздравствованную обидеть».

Молодой человек часто навещать свою жену в тюрьме, провозившая с ней долгие часы.

Так продолжалось 3 месяца. Розалия Оши заметно преобразилась, ставшая скромней, что радует предостанной «горестей» жизни, вместе с предостанной арестантами, что теперь ей не придется продавать свою любовь за 30 коп.

На строгий надзор, когда срока заключенной Розалии Оши была уже почти на исходе, в тюрьме началось свидание брешного мужа, которым обиделся Оши и в два месяца срока наказания она умерла.

Через смертью ей предложили позвать священника для похорон, но она отказалась от этого. За пять минут до смерти она пригласила старуху-наздравствованную Афанасию и попросила ее написать, которую, как сообщила ей, она собиралась унести с собой на могилу.

Как рассказ в это во основу «Воскресения».

Мой отец,—рассказывала она,—был арестантский муж во Петербурге, финансовый уполномоченный. Матери я не помню: она умерла, когда мне было 4 года. Сестры 4 года жила в отце. Была девочка, во Петербурге, куда он приехал во пономню, освидетельствованный его брат сказал, что у него раз в голову, и он умереть через два месяца. Выслушав этот разговор с финансовым надзирателем, отец Оши отправился в тюрьму, у которой он арестовал мать и, передав ей это, просидел после ее смерти почти малолетнюю Розу под свое попечительство.

Продолжение греха обидел, и Оши вскоре умер. Впрочем жена забочку за себя, первый год баловала ее, вступила в брак и завела дачу во Петербурге. Но вскоре ей это надоело, и она съездила забочку из столицы.

Прошло 15-летнее лето. Когда Розалия минула 14 лет, во баронессе во гости стала часто приходить племянница, окончившая училище правоведения. Она обещала жениться на Розу, и это было началом палели для похорон.

Баронесса, когда Розу собиралась сплести свои материя, выставила ее во дом. Со Крестовского острова, где жила тогда баронесса, Розу отправлялись во везенную

во обидеть, во похоронить и слушать во во тюрьме; дать 10 руб. и прожить больше во наздравств. Прошло 15-летнее лето. Молодой человек быстро вышел в студенты, выдержав и уже впоследствии департамент одного из министерств, была как-то приложена к качеству присяжного заседателя во окружном суде.

Тут-то она и встретил Розалию Оши.

Во заключении А. Ф. Коки, сообщая какой раз интересным фактом был жизнь Л. Н. во последние 10 лет, знала случайный с ее отпущением и религиозным гонимым, с ее отсутствием, за гонимым, послышавшая выводит от отсутствия его от христианской церкви, передать, между прочим, каргал содержимых духа послышавших его арестантов, представлять ему видою во Исаи Пазухе в рукописи: первое—это роман «Хаджи-Абрек», а второе—«Посел баша», сюжет которого можно передать в сюжет: вооруженный побег. Но от прощания во передать себя при жизни Л. Н. Толстом.

5.8.87-Апр 1938

ВОСПОМИНАНИЯ СЕНАТОРА А. Ф. КОММ О А. И. ТУЛСТОЙ.

Один из давнишних друзей Л. Н. Толстого, сенатор А. Ф. Кома, сказал бы мне в клубе или в государственном собрании, сенатора К. Ф. Турку интересное сообщение о Л. Н. Толстой, знакомство с историей у А. Ф. началось тут же со университетской скамьи.

Вернее А. Ф. встретился с Л. Н. Толстой, тогда еще студентом, в Москве, в начале 70-х годов, в студенческом клубе, где всесильно господствовала демократия. Знакомство это было случайное и возобновилось только в 80-х годах, когда бывшие студенты были уже рязскими сдвинутыми.

Это было в 1857 году.

А. Ф. Кома гостил в Ясной Поляне в своей одиной своей родственнице.

Обычно всякое известное лицо о Л. Н. Толстой, как и писатель, А. Ф. главным образом характеризовал его как человека, проводящего время в личной жизни, мало участвуя в общественной жизни.

Особенно заботившись его отношения к крестьянству: преследуя, притесняя, выводя из них без всякой нужды феодальности, его отношения выказывали из преследуя чисто уважения, но не как к "барину", а к человеку и законному человеку, доброму и хорошему человеку на весь мир.

А. Ф. Кома повествовал, между прочим, слушателей в историю, посвященную выводу из сочинения "Воскресения." В 1857 году, когда А. Ф. гостил в Ясной Поляне, проводил время для писателя с Л. Н. Толстой, между ними часто возникала спор на тему о несправедливости ему.

Л. Н. за то время особенно увлекался отныне и изучал глубоко отныне возрос, часто получал из Москвы на эту тему.

Как проректор, А. Ф. Кома, конечно, не соглашался с Л. Н. о необходимости несправедливости ему. Это привело к особенной интересе спорам, разговорами и разуживали на эту тему. Л. Н. Толстой любил слушать рассказы А. Ф. Кома из его студенческой жизни.

Над этим рассказывать его особенно заинтересовал следующий:

Когда А. Ф. был проректором с Петербургского окружного суда, в нем однажды явился молодой человек с жалобой на товарища проректора Случевского, обвиняемого тогда в том, что Случевский отказался на переводить заключенный арестант.

На давнишних рассказах молодого человека основываясь, что в своем письме он просит у меня и одной из заключенных, Розалии Овны, осужденной выкупить на арестант 100 руб. у одного из заключенных дома терпимости, в котором на службе находились осужденные. Не протестовала из тюрьмы и заключенная на 4 месяца. Сказ А. Ф. Кома об обязанности и требовал перевести этого заключенного, несмотря на проступок убого заключенного, характерного Розалии Овны, как "дочку общественного товарищества," как "матери, обвиняемого своим именем на свой проступок сына."

Знавшие молодой человек принадлежал к одной из самых родовитых русских фамилий, окончил курс в университетской и занимал видное место в департаменте одного из министерств.

Отказавшись просить из заключенных, он основываясь на то, что бремя не терпимых заключенных несправедливо для администрации колонии, не желая заключенных, на которых подобный терпимость, он начал обычно участвовать арестантами, производя в этом заключенные, А. Ф. Кома все же сильно заинтересовался этим случаем. В беседе со мной, уже не как проректор, а как частное лицо, сообщил мне подробный доклад, как старался его удержать от того, что ему придется разговаривать, что несправедливо в отношении тогда из столицы арестант "Машинист", Овны несправедливо будет из частного лица, говорил о том, что она раз и навсегда вернется к нему, раз и навсегда при других условиях, делать ему что-то.

Теперь дела, обвинительный акт о Розалии Овны, устроившей поступок осужденной об арестант и т. д. Не молодой человек был заключенным.

Все равно для меня; хочу написать на ней — передайте ему...

В течение нескольких дней из А. Ф. Кома явились разные речи, выслушавшиеся одна за другой и все заключая о разбирании молодого человека заключенной на Розалии Овны.

На первом А. Ф. Кома, что осужденная, мать арестантка, может замужество должна быть, в виду вышесказанного социального положения, без перевода на привилегированное положение, что по закону, если бы, поступилась, прежде из того, что такой закон отсылался к 4 статье, гласившей, что, разбирание на частном основании с Розалией Овны. Последней было сказано следующее предложение и она согласилась сделать по требованию.

В день первого свидания заключенной с арестантом, последняя заключенная в тюрьму и отправилась к арестанту, посвятившись к заключению ее, она заявила жену.

"Простите, скажите императорскому обещанию..."

Молодой человек часто называл свое положение в тюрьме, просивший с ней выйти замуж.

Так продолжалось 3 месяца. Розалия Овны пошла прообразовать, отказавшись арестант, часто разрывая арестантской "арестант" жизни, хотела быть другим арестантским, что теперь ей не придется платить свою жизнь за 30 руб.

На страстной неделе, когда срок заключения Розалии Овны был уже почти из исхода, в тюрьме началось движение бегущих людей, история которых Розалия Овны и в день свидания срока заключенной она уехала.

Перед смертью ей предложили выкупить заключенную для освобождения, но она отказалась от этого. За пять минут до смерти она пригласила старую-старую арестантку Арифу и попросила ее из тюрьмы, которую, как сообщала ей, она собиралась уехать с собой из тюрьмы.

Ей рассказали и жить из тюрьмы "Воскресения."

Мой отец, рассказавшая она, была арестанткой имени на Петербургской, финляндской тюрьме. Мать и не знаю; она уехала тогда же было 6 лет. Спусти 4 года забавлять и отныне. В клинике, в Петербурге, куда она пришла на лечение, осужденный заключенный его брат вызвал, что у него рак желудка и она уехала через два месяца. Выслушав отныне арестантку с финляндской заключенной, отец Овны отправился из тюрьмы, и арестант так арестантка меня, и арестант ей это, просил тогда его смерти мать заключенной Розу мать свое несправедливости.

Предсказание врача сбылось и Анна умерла прежде. Баронесса жила довольно в себе, первый год баловала ее, потом совсем, игнорировала и поставила девочку в бокал. Но исцарила ее это и она стала девочку на дядю.

Пришло несколько лет. Когда Розалие было 16 лет, из баронессы в госте стала часто приходить племянница, очаровательная девушка-православная. Она обладала красотой тогда Рюс и это было началом патерны для Розалие.

Баронесса, когда Раа собралась ехать уже в море, сказала ей вот слова. Съездишь на остров, где жила тогда баронесса, Раа отправилась к бабушке ее в 6 лет, но последний в слушала ее не хотела; дала 10 р. и просила больше не надоедать. Пришло несколько лет. Молодой человек быстро пошел по ступенькам карьеры и уже начинал чиновником департамента одного из министерств быть как-то приглашен в качестве переводчика с французского сессии в окружной суд.

Тут то она и встретила Розалие Сина. Поехавши в ее село тайно старую-младшую-племянницу, Розалие тут же оказалась.

Молодой человек был в начале. Родило баронесса за его успешное состояние. Но все это она пережила, конечно. Случилась некоторое время поворотом в большую сумму на улучшение жизни заключенных, перебралась в тюрьму баронесса и т. д.

Было это означать отбываемый алимент-страшный пост, оставалось известным. Отсюда рассказ сильно велел за Л. Н. Толстого, она интересовалась мельчайшими подробностями, фактами и слухами чтобы написать А. Ф. Коже в Петербург, что хочет воспользоваться этим сюжетом, если с его стороны не будет препятствий. И результатом его раздумия явилось „Воскресение“, вторая половина которого составляет личное творчество Л. Н. Толстого. Розалие Сина — Катя Маслова, а аркай тут молодой человек изображает из Неклюдов.

В заключение А. Ф. Коже сообщить целый ряд интересных фактов из жизни Л. Н. на протяжении 10 лет, знакомая слушатель с его отношением к религиозным глумлениям, с его ответственностью за глумление, всудимых человек из окружения его от христианской церкви, вера, между прочим, является содержание двух последних его произведений, прочитавших их велело из Ясной Поляны в рукописи: первое—это роман „Ладья-Апрель“ или жизнь вранья Николая Павловича, а второе— „Лесной бала“, сюжет которого можно выразить в слове: выражение любви. Оба эти произведения не увидеть себя при жизни Л. Н. Толстого.

Свое воспоминание А. Ф. Коже читал по просьбе Е. Ф. Турау с благотворительной целью, за время чтения, поочередно которого последней состояли, за улучшение средств истората, в подобие собрания дома. Смысловые эти стихи и интерес к тем собрала в квартиру сына Е. Ф. Турау впоследствии знающих его, она разумеется не грешит на мать. Воспоминание А. Ф. Коже так заинтересовало слушателей, что они просидели около трех часов, отплачиваясь от продолжения устроив веру.

Бор. Акимович.

Но для 80-летия Лизы Толстой одна петербургская фирма выдвинула из себя Вильяма, ведь называется „История и Толосто К“—книга, которая будет заключать в себя своды свята величайших, научных, религиозных, эстетических и других важнейших великого писателя, систематизированных под вымышленным эпитетом. В этой книге, составленной А. Н. Саломашкиным, будут представлены мысли, взгляды, жаренные в жаровню, выжженные лето для другого жару, трагического творения „Войны и мира“.

7. 8. 87. Мая 1908

8 мая.

Къ чествованию Л. Н. Толстого.

Во вторникюй вечеру городской доклад комиссии о пользах и нуждах общественных, представляемый по вопросу о чествовании Московского Лизы Николаевны Толстой. Главнейший Столыпинский доклад всего указал на совершенно неуместное со стороны авторства доклад отношение к гениальному писателю, допустившему критическую ошибку его писательской деятельности и высказавшим мнение, что Толстой должен чествоваться только как художник, а отнюдь не как философ и богослов.

Противъ всякаго юбилейнаго чествованія выступилъ лидеръ крайней правой думы, бывший товарищъ городского головы Лебедевъ, указавший, между прочимъ, на то, что и сама Толстая отказалась отъ чествованія.

Представители прогрессивныхъ классовъ возражали, что отпущъ самого Толстого вовсе не устранилъ обязанности Московскому такъ или иначе отметить день 80-летия великаго писателя; можно не безобразить его личными приношениями, но Москва, изъ которой Л. Н. всегда была такъ близка, изъ которой она провела большую часть своей жизни и создала много изъ своего гениальныхъ работъ, должна ознаменовать тотъ день, который является праздникомъ для всего культурнаго мира.

Предложение гласнаго Лебедева о томъ, чтобы отказаться отъ всякаго чествованія Л. Н. Толстого, было поддержано въ большинству, но думна оказалась въ несомненнаго чести гласныхъ и вопросъ остался неразрешеннымъ.

7 мая 37. Мая 1908

Изъ Москвы, (по телефону).

8 мая.

Въ городской думѣ рассматривалась вчера докладъ комиссии о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, представляемый по вопросу о чествовании Московско Л. Н. Толстого. Главнейший Столыпинский доклад всего указал на совершенно неуместное отношение к гениальному писателю, допустившему критическую ошибку его писательской деятельности и высказавшим мнение, что Толстой должен чествоваться только какъ художникъ, а отнюдь не какъ философъ и богословъ.

Противъ всякаго юбилейнаго чествованія выступилъ лидеръ крайней правой думы, бывший товарищъ городского головы Лебедевъ, указавший, между прочимъ, на то, что и сама Толстая отказалась отъ чествованія.

Представители прогрессивныхъ классовъ возражали, что отпущъ самого Толстого вовсе не устранилъ обязанности Московскому отметить день 80-летия великаго писателя; можно не безобразить его личными приношениями, но Москва, изъ которой Л. Н. всегда была такъ близка, изъ которой она провела большую часть своей жизни и создала много изъ своего гениальныхъ работъ, должна ознаменовать тотъ день, который является праздникомъ для всего культурнаго мира, также, несмотря на отказъ писателя, всеобщего признаннаго гласнаго чествованія.

Предложение гласнаго Лебедева о томъ, чтобы отказаться отъ всякаго чествованія Л. Н. Толстого, было поддержано въ большинству, но думна оказалась въ несомненнаго чести гласныхъ и вопросъ остался неразрешеннымъ.

7 мая 37. Мая 1908

Книги и писатели.

Старый литераторъ вспоминаетъ въ „Русской Слово“ о смерти Тургенова отъ Л. Н. Толстого въ домѣ Фета, который, въ свое время, довольно подробно рассказывалъ объ этой смерти въ своей воспоминанияхъ.

„Старый литераторъ“ продолжаетъ подробно писать о смерти. Вотъ какъ онъ, въ его словахъ, происходило, за урками кофе въ отставной фетѣ.

За столомъ присутствовали хозяйка Марья Перлова, урожденная Боткина. Она радушно бесѣдовала съ гостями и заведывала дочерью Тургенева, всецелою заботою въ Парижѣ. Тургеневъ отнюдь не возмущался этимъ бесѣдой и съ удовольствиемъ разговаривалъ о своей дочери, о ее воспитаніи. При ней очень хорошая, добрая хозяйка.

— Теперь она требуетъ, — говоритъ Тургеневъ, живописно иллюстрируя рѣчь своимъ боковыми руками, — чтобы моя дочь забрала на себя всю одежду Фетовыхъ и, следовательно, считаться съ, принадлежала къ принадлежностямъ.

— И это вы считаете хорошимъ? — спрашиваетъ Толстой.

— Конечно, это объясняетъ безотвѣтственность съ казенной пущей, — отвечаетъ Тургеневъ.

— А я считаю, что разразившаяся буря, державшая въ безмолвіи грешныя и злобосныя языки, являлась въ изреченіи, театральнаго сцену...

— И какъ проку не говоримъ такъ? — восклицаетъ Тургеневъ съ раздвиганіемъ плечамъ.

— Оттого же мнѣ не говорить того, въ чьихъ я убоицахъ? — отвечаетъ Толстой.

И не успѣвъ хозяйка арестовать калѣи вступилъ, калѣи бѣдливый отъ гласнаго Тургенева крикнулъ Толстому:

— Тѣмъ и васъ заставилъ молчать безобразіемъ!

Пробывая въ гостеприимно время эту сцену, ясное не вѣрится, чтобы она могла произойти между добрыми, душевно-чуткими и горючо восприимчивыми людьми въ чужомъ домѣ, въ присутствіи арестованной хозяйки. Между тѣмъ, А. Фетъ, рассказывавшій объ этой сценѣ, всегда передавалъ ее въ безукоризненномъ видѣ. Въ действительности было гораздо хуже. Тургеневъ, очень раздражительный изъ людей, на одномъ дѣлѣ крикнулъ Толстому:

— Если вы не замолчите, я дамъ вамъ въ нору!

И вѣрится, случившееся за столомъ, вымолчалъ въ другія комнаты.

Этотъ вопиющій казусъ столь непростительный и неприемлемый Тургеневъ, что даже и въ нашъ рѣзкій при удобномъ случаѣ возговоритъ объ этомъ съ самимъ Толстымъ. Умъ Лизы Николаевны, гуртою валивая, сбавила подуривающаго тошину:

— Да, да, предостерегаю, Тургеневъ именно такъ сказалъ.

Л. Н. повторилъ разсказъ брату.

„Вѣстникъ Европы“ становится все больше интереснаго журналомъ. Въ послѣдній номерѣ, напечатана, безъ исключения, переводовъ, почти отсутствуютъ. Не захотѣли воспоминанія.

Такъ, здѣсь замечательны воспоминанія о В. В. Верещагинѣ, о Н. В. Стасовѣ и наконецъ А. В. Кома объ Л. Н. Толстомъ, Достоевскомъ, Тургеневѣ, Щегловѣ, Майковѣ и другихъ.

Напечатано интересное воспоминаніе А. Б. Новаго, тоже — вѣрно арестованнаго — очень интереснаго къ тому, что уже арестованъ въ этомъ извѣстномъ въ другія воспоминанія.

Особенно интересно авторъ останавливается на Нейрашевѣ и еще разѣ объясняетъ даже отъ чужихъ нарѣканій, которые такъ давно уже имѣли место.

7 мая 37. Мая 1908

Ссора писателей.

Въ «Русскомъ Слове» много, поспевавшее «Слово» анонимно, рассказывает о запутанной въ свое время ссоре между Тургеневымъ и Толстымъ (въ 1882 году).

Ссора произошла въ нѣкихъ вѣстахъ Фема, когда Тургеневъ разсказывалъ съ своей дочерью и съ воспитанникомъ, которому съ дѣтства былъ знакомъ:

— Теперь она пробуетъ, — говоритъ Тургеневъ, живописно нарисовавъ рѣчь своими большими руками, — чтобы моя дочь собралась въ руки некую одесскую близкостъ и, собственноручно печатывая ее, возвратила ко принадлежностямъ.

— И это вы считаете хорошимъ? — спрашиваетъ Толстой.

— Конечно; это объясняется благоволяемостью къ малушней нужды, — отвечаетъ Тургеневъ.

— А я считаю, что разрозненные дѣлушки, держимы въ вѣдѣнныя гримасы и изловченныя элементами, играютъ несообразную, театральную сцену.

— И вѣдь я хочу не говорить такъ! — восклицаетъ Тургеневъ съ раздраженными жестами.

— Отчего вы мнѣ не говорите того, въ чемъ я убежденъ? — отбѣиваетъ Толстой.

И не успѣвъ возмѣнить промѣны заискивающей мѣры, какъ слѣдующей отъ гдѣна Тургенева крикнулъ Толстому:

— Если вы не сомнѣваетесь, я дамъ вамъ въ море.

И гдѣна, сдвинувшись за голубу, выскочилъ въ другую комнату.

Какъ самъ объяснилъ, дѣлѣе подъ рукою людей въ море могла вырваться въ себя ту грубую правду, которую, какъ крикливо выскочилъ, вы позвонились у татаръ.

Т. А. 3^е Мая 1908

Городская дума о А. Н. Толстомъ.

Въ засѣданіи ассамблеи городской думы 29 апрѣля, одна изъ главнѣйшихъ задачъ заключалась въ необходимости постановки нѣкой геронъ имени А. Н. Толстого. По прочтеніи доклада уарамъ, собраться «Вѣст. Живъ», въ залѣ вѣстнаго муниципалитета возмѣли, на въ которое время, гробовое молчаніе. Наконецъ, вѣдѣнный крикнуть, изреченіемъ жалостливый рѣши на самомъ то странномъ дѣлѣтѣ и гдѣткой руковождать выборы въ городскую думу рѣшились — «отклонить». Вследъ за нѣмъ выступилъ ищущий надумореніе Николаевъ. Сей мужъ, не только не читавшій, но не видѣвшій даже обложки книги сочиненій Толстого, пренялся за критику великаго писателя. Помилуйте, господа гласные, какое чествованіе и въ честь кого? — вопрошаетъ ищущий. Кто такой «Толстой»? Писатель? Мало ли бываетъ писателей! Дѣйствительно «Толстой» принакъ корончательно правдивое извѣщеніе, а нѣмъ уклонился въ сторону, на ложный путь, нѣмъ нѣмъ «чествованіе» оу не достѣенъ. После «критика» Николаевъ нѣмъ изъ спѣшить не рѣшился выступить. Сомнѣны были лишь отдельные возгласы отъъ народа: — «конечно, отклонить». Такъ и рѣшило.

Собрание. Собр. 10^е Мая 1908

Въ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ обществѣ общества народныхъ университетовъ поступило заявленіе съ желательностію открыть при народныхъ университетахъ, слѣдующія новыя секціи: литературы, театра, архитектуры, ораторскаго искусства и въ соединеніи съ существующими уже при университетѣ секціями музыки и графическаго искусства, образовать «Народный домъ искусства», имени гр. Льва Ник. Толстого. Съобщъ одобрилъ сдѣланное заявленіе и поручилъ думѣ членамъ В. И. Улановской (Сергійевскій 24, телеф. 92—66) и скульптору Н. Я. Гинзбургу (академіи художествъ) войти въ сношеніе съ лицами, желанными работать за осуществленіе идеи распространенія грамоты искусства въ народѣ.

Рига 10^е Мая 1908

Учредительное собраніе общества А. Н. Толстого для обсужденія выработанныхъ комитетомъ уставовъ общества назначено на 11 мая въ 3 час. дня на Мокшовой ул., д. № 82.

Рига 10^е Мая 1908

Откуда взять сюжет романа А. Н. Толстого "Воскресение".

Одним из давнишних друзей Л. Н. Толстого, сенатора А. Ф. Кони, сдалась квартира члена государственного совета, сенатора Е. Ф. Туруева интересное сообщение о Л. Н. Толстом, знакомство с которым у А. Ф. вышло чуть ли не с университетской скамьи. А. Ф. Кони посетил, между прочим, слушателей из истории, послужившую поводом к созданию "Воскресенья". В 1887 году, когда А. Ф. гостил в Ясной Поляне, проводил время для свидания с Л. Н. Толстым, между ними часто завязывался спор о теме о неправомерности кзу. Л. Н. в то время особенно увлекался этим и, изучив подробно этот вопрос, часто выступал на диспуты на эту тему. Какъ прокурор, А. Ф. Кони, конечно, не соглашался с Л. Н. о необходимости неправомерности кзу. Это придавало особенный интерес спорам, разговорам и рассуждениям на эту тему. Л. Н. Толстой любил слушать рассказы А. Ф. Кони из его судебных практики. Не только рассказывал его особенно заинтересовал следующий:

Когда А. Ф. был прокурором с-петербургского окружного суда, к нему однажды явился молодой человекъ съ жалобой на товарища прокурора Случевского, заведывавшего тогда тюремной частью. Жалоба эта заключалась въ томъ, что Случевскій отказал въ передачѣ заключенной письма. Не довольный этимъ распоряженіемъ молодого человека писемъ, что въ своемъ письмѣ онъ проситъ руки за одной изъ заключенныхъ, Розалия Овни, осужденной накануне за кражу 100 руб. и одного изъ воспитателей дома терпимости, въ которомъ на службѣ находилась осужденная. Ее приговорили къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца. Самъ А. Ф. Кони ее обвинялъ и требовалъ прижизненнаго наказания, несмотря на прекрасную рѣчь защитника, характеризовавшаго Розалию Овни, какъ "жесткую общественнаго темперамента", какъ "матильду, обогатившую себя припадкомъ грешной сѣвочки". Явившійся молодой человекъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ родовитыхъ русскихъ фамилій, окончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣній и занималъ видное мѣсто въ департаментѣ одного изъ министерствъ. Отказавъ просителю въ ходатайствѣ, соглашавшемъ въ то, что браки въ тюрьмахъ вызываютъ несправедливый доп администраціи виновнаго всѣхъ заключенныхъ, на которыхъ водворена жестокость, въ концѣ обычно участвовать арестанты, производящіе плохое впечатлѣніе, А. Ф. Кони все же сильно заинтересовался этимъ случаемъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ, уже не какъ прокуроръ, а какъ частное лицо, одобряя тотъ подобный порокъ, онъ старался его увѣрить въ томъ, что ему придется разочароваться, что воспитавшаяся въ известномъ тогда въ столицѣ вѣрнопъ "Малышевѣ", Овни способна будетъ къ честной жизни, говорилъ о томъ, что она рано или поздно вернется къ этому, какъ только при другихъ условіяхъ, давалъ ему читать дѣло, обвинительный актъ о Розалии Овни, уговаривалъ подумать серьезно объ этомъ и т. д. Но молодой человекъ былъ непреклоненъ. — Все равно для меня, хочу жениться на ней, — твердилъ онъ...

Въ теченіе двѣнадцати дней къ А. Ф. Кони являлись знатныя дамы, высокопоставленныя лица и всѣ хлопотали о разрешеніи молодому человеку жениться на Розалии Овни. Доводы А. Ф. Кони, что осужденная, какъ крестьянка, послѣ зрѣлости должна будетъ, въ виду неблагоприятнаго социальнаго положенія, быть переведена въ провинціальное положеніе, что по закону, послѣ суда, воспрещается, привели къ тому, что писки Овни согласилась ждать 4 мѣсяца, получить, однако, разрѣшеніе на частныя свиданія съ Розалией Овни. Последней было сдано письменное предложеніе и она согласилась сдѣлаться невестой. Въ день перваго свиданія женихъ съ невестой послѣдняя находилась въ камерѣ и сиротенная о причинахъ, послужившихъ къ отказанію ей, она заявила жениху: "Бранными словами надирательницу обвиняли"... Молодой человекъ часто навѣщалъ свою невесту въ тюрьмѣ, прощаясь съ ней долгие часы. Такъ продолжалось 4 мѣсяца. Розалия Овни жаждала перебраться, ставшись сироткой, часто радуясь пред-

стоящей "арестной" жизни, хвастаясь предъ другими арестантами, что теперь ей не придется продавать свою любовь за 30 копеекъ.

На Страстной недѣлѣ, когда срокъ заключенія Розалии Овни былъ уже почти на исходѣ, въ тюрьмѣ началось эпидеміе оринного тифа, которымъ заболѣла Овни, и въ день окончанія срока заключенія она умерла. Передъ смертью ей предложили избрать священника для исповѣди, но она отказалась отъ этого. За пять минутъ до смерти она пригласила старую-настарую-настарую Аграфену и пожелала ее въ тюрьму, которую, какъ сообщила ей, она собиралась унести съ собой въ могилу. Ее вынесли и легъ въ осыну "Воскресенья".

Мой отецъ, рассказавъ она, былъ арендаторомъ земли въ Петербургѣ, фамиліяскій уроженецъ. Матери и не помню; она умерла, когда мнѣ было 6 лѣтъ. Спустя 4 года заболѣла и умерла. Въ клиникѣ, въ Петербургѣ, куда отецъ пріѣхалъ за почетомъ, освидѣтельствовавшій его врачъ заявилъ, что у него ракъ мозгушка и что умереть черезъ два вѣнца. Выслушавъ этотъ приговоръ съ физическимъ изнеможеніемъ, отецъ Овни отравился къ баронессѣ, у которой она арендовала квартиру, и передавъ ей это, просилъ послѣ его смерти дать малолѣтнему Розу вѣдь свое покровительство. Представленіе прата обидѣло, и Овни вскорѣ умеръ. Баронесса взяла дѣвочку къ себѣ, первый годъ баловала ее, всюду возила, игралъ съ и забавляла дѣвочкой болонку. Но вскорѣ ей это надоѣло и она сдала дѣвочку въ дѣтянцу. Прошло двѣнадцать лѣтъ. Когда Розалия минуло 16 л., къ баронессѣ въ гости стали часто пріѣзжать племянники, окончившіе училище правовѣдѣній. Она сообщила арендатору тогда Розу, и это было началомъ паденія дѣвочки. Баронесса, когда Роза собиралась стать уже матерью, выгнала ее изъ дома. Съ Крестенскаго острова, гдѣ жила тогда баронесса, Роза отправилась къ вивонизу въ Бельгій, но послѣдній и слушать ее не хотѣлъ; далъ 10 р. и просилъ больше не видѣться. Прошло двѣнадцать лѣтъ. Молодой человекъ быстро вошелъ по ступенямъ карьеры и уже виднымъ чиновникомъ департамента одного изъ министерствъ былъ какъ-то приглашенъ въ качествѣ присяжнаго заседателя въ окружномъ судѣ.

Тутъ то онъ и встрѣтилъ Розалію Овину.

Посылая въ свою тайну старшую надиротельницу, Розалія тутъ же скончалась. Молодой человекъ былъ въ отчаяніи. Родные боялись за его умственное состояніе. Но все это онъ пережилъ, конечно. Спусти въ некоторое время пожертвовалъ большую сумму на улучшение жизни заключенныхъ, устройство тюрьмы больницы и т. д. Имѣя онъ занимать ответственныя административныя посты, оставался холоднымъ. Этотъ разсказъ сильно понравился на Л. Н. Толстому; онъ интересовался и мелочайшими подробностями, фактами и спустя мѣсяць написалъ А. Ф. Кони въ Петербургъ, что хочетъ воспользоваться этимъ сюжетомъ, если съ его стороны не будетъ препятствій. И результатомъ его разрѣшенія явилась „Носкресненіе“, вторая половина котораго составляетъ личное творчество Л. Н. Толстого. Розалія Овина—Катюша Маслова, а другіи типъ молодого человека изображенъ въ Некладоукѣ.

Розалія Маслова 10го Мая 1903